

Л. Коробов

ФРОНТ БЕЗ ФЛАНГОВ

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ**

Леонид Коробов

ФРОНТ

БЕЗ ФЛАНГОВ

В годы Великой Отечественной войны мне посчастливилось встретиться с удивительным человеком — командиром партизанского соединения Сидором Артемьевичем Ковпаком. С ним я прошел более полутора тысяч километров в боевых партизанских рейдах по глубоким тылам врага.

Имя Ковпака стало легендарным. В сентябре 1941 года у Сидора Артемьевича было тринадцать партизан, а вскоре в его отрядах и батальонах сражались уже более двух с половиной тысяч человек. Приняв тактику рейдовой партизанской войны, это соединение действовало в тылу врага в Сумской, Орловской, Курской, Черниговской, Гомельской, Полесской, Пинской, Минской, Ровенской, Житомирской и Киевской областях, в Карпатах, Польше, провело первые бои на земле врага в Восточной Пруссии.

Партизаны взрывали мосты на железных и шоссейных дорогах, пускали под откосы вражеские эше-

Издательство
политической литературы
Москва • 1972

лоны с военной техникой и живой силой, утопили немецкую флотилию на реке Припять, уничтожали гарнизоны врага в населенных пунктах, истребляли фашистских солдат и офицеров на дорогах.

Такие партизанские соединения, как соединение Ковпака, не находились подолгу на одном месте. В их задачу входило совершать непрерывные рейды по вражескому тылу, стремительно и внезапно наносить удары по крупным объектам противника и затем бесследно исчезать.

Соединение Ковпака прошло по вражеским тылам около двенадцати тысяч километров. За это время было уничтожено около пятнадцати тысяч фашистских солдат и офицеров. Каждый партизанский километр отмечен гибелью солдата или офицера вражеской армии.

Одной из самых удивительных операций, проведенных ковпаковцами, был Карпатский рейд.

Карпаты, Плоешти и Дрогобыч во время войны немцы сделали важными источниками снабжения своих армий горючим. Здесь на промыслах ежедневно добывались десятки тысяч тонн нефти. Немцы перерабатывали ее, и эшелоны с бензином для танков и самолетов мчались на восточный фронт.

Только два рода войск — авиация дальнего действия и партизанские отряды могли нанести удар по этим районам. Наши летчики бомбардировали нефтепромыслы Плоешти, а горные нефтепромыслы Дрогобыча вывели из строя ковпаковские партизаны.

После того как в Карпатах ковпаковцы нанесли удар по нефтяным вышкам, бензохранилищам и нефтеперегонным заводам, Гитлер поставил перед Гиммлером задачу — уничтожить ковпаковское соединение. Против партизан были брошены крупные силы. У реки Прут врагу удалось окружить парти-

ган. Каратели, будучи уверенными в успехе операции, поспешили объявить, что партизаны уничтожены, а сам Ковпак пойман и казнен. А результат боя сложился не в пользу фашистов. Ковпак, оказавшись в кольце, ночью разделил свои батальоны на мелкие группы, и те просочились сквозь фашистские заслоны. В этом бою погиб комиссар соединения генерал-майор Семен Васильевич Руднев. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Уйдя с Карпат на север, партизаны вновь собрались в Ровенских лесах. Здесь соединение было преобразовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию. В ней были уже не только батальоны, как прежде, но и полки, артиллерийский и кавалерийский дивизионы, службы разведки, санитарная и хозяйственная.

Ковпак по состоянию здоровья больше не мог командовать дивизией. Ему требовалось лечение, и он пересек линию фронта и прибыл в освобожденный Киев.

Командование партизанской дивизией перешло к заместителю Ковпака Петру Петровичу Вершигоре.

Правительство Украины присвоило дивизии имя Сидора Артемьевича Ковпака. Первый полк дивизии получил имя Семена Руднева.

Без Ковпака, но с его именем партизаны громили врага на землях Польши и Восточной Пруссии и закончили свою боевую деятельность разгромом тылов вражеской армии в районе Барановичей. Там партизаны и соединились с Красной Армией.

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ

Партизаны базировались в деревне Ляховичи и других селениях возле озера Червоного в Белорусском Полесье...

На замерзшем озере они расчистили лед. Сюда ногами из Москвы в соединение С. А. Ковпака прилетали самолеты, привозили патроны, мины, снаряды и взрывчатку. Одним из самолетов к Ковпаку прилетел и я.

Штаб Ковпака размещался в большом доме, выходящем окнами в огород. Ковпак сидел у стола и вся его фигура отражалась в зеркале, висевшем наклонно. У него были волосы с проседью, большие карие глаза, бородка клином. Спросил:

— Корреспондент «Правды»? Хорошо. Молодец, что прилетел. А что писать будешь? Некоторые думают, что партизанская война — это новый вид войны. А твое мнение?

Так как я молчал, Ковпак сказал:

— Этот вид войны старый, старый, как наша грешная земля. Мы — рейдовое соединение. А рейд — это непрерывное движение собранных воедино партизанских отрядов, их набеги на воинские подразделения врага, на большие военные объекты противника. Мы, где это только можно, разрушаем связь врага, уничтожаем его гарнизоны, подразделения и разные группы поодиночке, делаем засады.

Помолчал и заговорил снова:

— Самым сильным мастером рейдовой войны был организатор червонного казачества на Украине во время гражданской войны Виталий Примаков. Он организовал сначала полк, а потом и целый корпус червонных казаков. Так рейдировал он и полком, и бригадой, и целым корпусом. Да так рейдировал, что

наголову разбил всю петлюровскую сволочь, а остатки вышиб за границы Родины. Он нападал не только на отдельные дивизии, но и на целые армии и, рейдируя в тылу их, грохотал армии белогвардейцев и белополяков. Червонное казачество родила революция. Наши рейдирующие соединения родились в результате изменившейся у нас военной обстановки. Мы не можем пускаться на открытые южные пространства Украины корпуса. У врага множество всякой техники, он неминуемо сокрушит такие соединения авиацией и танками. А раз условия маневра сокращены, то у наших, как бы это сказать, ну, таких хорошо организованных, не так уж больших соединений отрядов или, как у меня, батальонов появилась возможность рейдировать даже и по степным районам.

Он подумал, потом резко откинулся на спинку стула. Его борода воинственно поднялась кверху.

— У многих народов,— продолжал Сидор Артемьевич, затаиваясь махоркой,— применялась партизанская война. Почему эта тактика войны хороша для нас? Она требует мало затрат, в ней сам народ участвует, эффект большой. Конечно, если бы партизаны располагали крупной артиллерией, танками, самолетами, может быть, и тактика была бы другой. Но этого нет, да и не нужно. Партизаны сейчас используют автомат, пулемет, винтовочку, мины и гранаты.

Он посмотрел по-хозяйски в окно и, покачав головой, продолжал:

— Противник, вооруженный до зубов авиацией, танками, артиллерией и всякой другой техникой, не позволяет нам, партизанам, вести широкие боевые действия. Если бы мы могли вести такие действия, то партизанская форма борьбы превратилась бы в

форму войны регулярными войсками. Но это сделать невозможно.

А вот пушки мы ловко приспособили для заслонов при форсировании железных дорог, водных переправ, для боев в крупных населенных пунктах, при сложных и тяжелых диверсиях на мостах и в боях с превосходящими силами немецких частей. Мы делаем налеты короткими и быстрыми. Наше положение лучше, чем положение врага. Мы на своей земле. Наш метод борьбы не что иное, как самозащита народа. А если она организованная, как сейчас у нас в стране, то она и есть, можно сказать, второй фронт, фронт без флангов и строгой боевой линии.

Он замолчал. Подумал. Снова заговорил:

— В тылу врага мы с первых дней оккупации. Воюем, и воюем небезуспешно. Результативному бою нам способствует очень часто и то, что фашисты при налетах партизан не успевают вводить в действие свое мощное вооружение. Есть еще одно очень важное условие успеха нашей войны — уверенность. Начиная операцию, каждый партизан не сомневается в успехе. Иначе нельзя. Замнешься — и все погибло.

Ковпак полез в карман, достал кисет и стал свертывать новую, огромных размеров сигарку. В движениях его рук чувствовалась большая сила.

— Вот это вещь, — сказал я, указывая на сигарку. — А где же вы берете табак?

— Мы — армия без интендантства, как и наш фронт без флангов. Вот эта махорка из Лельчиц, тут в Полесье городок такой есть.

Улыбка воспоминания тронула его губы.

— Лельчицкая операция интересна тем, что мы там дрались, как обычная регулярная часть Красной Армии. Мы организованным наступлением с минометами и артиллерией разгромили немецкий гарни-

зон. Пятьсот оккупантов испустили дух и оставили нам склады. Вот и живем с этого. У народа нельзя брать. Фашисты его грабят, да если мы брать еще будем, что ж это выйдет? «Куда же податься-то?» — скажет мужичок, как в «Чапаеве». Партизаны призваны поддерживать в народе веру в победу!

Первый день в стане ковпаковских партизан был заполнен впечатлениями до отказа. Хотелось сразу понять и систему организации партизанского соединения и познакомиться с ближайшими помощниками командира.

Заместитель Ковпака по разведке Петр Вершигора прислал за мной связного. Мы шли темными улицами деревни. Нас окликали часовые, спрашивали пропуск.

Вершигора сидел на полу на корточках и разбирал ворохи каких-то бумаг. Он поднял голову и, улыбаясь, сказал:

— Нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Готовлю в Москву почту. За пять дней накопилось. Разведка соткана не только из зрительных наблюдений, но еще из захваченных документов, их расшифровки. Разведка — тонкая работа. Например, для нашего соединения вот эти бумаги не имеют значения, тогда как в Москве они прольют свет на скрытые замыслы врага. А нам надо знать немного — где враг, сколько у него оружия, слабые места его обороны и, пожалуй, все.

Он перелистал немецкую тетрадь, собрал стопку с документами.

— Когда-то я был кинорежиссером, — вдруг сказал он.

— Кем?! — вырвалось у меня восклицание.

— Режиссером. Да, режиссером, — видя мое удивление, продолжал он. — Работал на Киевской кино-

фабрике. Снимал перед войной картину о Молдавии. Вот бы куда двинуться! Хорошо знаю ту землю. Впрочем, зачем я разбираю эти бумаги? Пошлю-ка я все это общим тюком, все равно в Москве рассортируют по-своему.

Он начал складывать бумаги в мешок, на котором черной краской была нарисована свастика.

— А Ковпак у вас хорош, — сказал я. — Впервые такого человека встречаю. Внешность-то какая — настоящий дед!

Вершигора улыбнулся.

— А мы его, между прочим, так и называем — Дед. Что и говорить! Родился наш Дед с талантом. Никогда не приказывает, а скажет — и все будет сделано. Дед не любит многое держать в секрете. Верит народу. Ну и народ платит ему доверием. Единственное, что храним в секрете, — маршруты рейда или маршруты отхода после боев.

Он умолк, завязывая мешок с документами, потом сказал:

— Сегодня Дед поручил мне познакомить вас с разведкой. Начнется рейд — не до этого будет. Сейчас вам надо кое-что и кое-кого узнать. Наша разведка — это глаза и уши соединения. Сейчас ночь, а партизанские разведчики разбросаны кругом в радиусе километров в тридцать. Ведут разведку к началу рейда. Когда выступим, враг нас днем с огнем не сыщет.

Вершигора запаковал мешок с документами, написал на нем углем адрес и приказал связному отвезти на озеро, на аэродром.

— Пойдем к моим хлопцам, — сказал он. — К разведчикам.

Мы шли по темной улице. Сквозь плохо занавешенные окна пробивался свет. Вершигора посетовал

на плохую светомаскировку, а потом махнул рукой и сказал:

— Огонь всегда приятен человеку. На войне огоньки иногда пугают. Но чаще вызывают воспоминания о семьях и домах, об уюте, о покое, о тех, кто нас ждет. Каждый надеется вернуться домой, и от него потребуют ответа. И надо готовить здесь ответ. Прийти домой без пятнышка и укора совести. Перед Родиной, перед домом совесть должна быть чиста.

Он смолчал. В наступившей тишине стал слышен только мерный хруст снега под ногами.

— Но среди нас много таких, у кого не осталось ни семей, ни родных,— продолжал он.— Они придут к бывшим очагам, и одинокая земля встретит их, строго спросив, верны ли они ей. Такие воюют до самозабвения.

— Это, видимо, один из законов войны,— сказал я.— Вы любите пофилософствовать?

— На войне особенно хочется высказать набегающие мысли. Сейчас вы увидите «чертову дюжину». Это тринадцатая рота первого батальона, которым командует сам Дед. Народ этот я привел к Ковпаку в Брянские леса. Вы увидите тех проводников, которые, может быть, ведут Деда к большой славе.

Вершигора вдруг совсем исчез, потом появился в стороне черным силуэтом.

— Кажется, нам сюда,— сказал он.

В темноте вырисовывались очертания хаты. Из дыр мешковины, которой были занавешены окна, прорывались тонкие и длинные лучи света и упирались в снег. Скрипнула калитка. Петр Петрович, замешкавшись около нее, выругался.

В хате за столом сидело пятеро молодых парней. У каждого на ремне висел пистолет. Один из них, с широким лицом, улыбнувшись, встал и сказал:

— А, Борода!

За ним встали все.

— Начальство? — коротко спросил приветствовавший Петра Петровича, кивнув на меня.

— Нет, корреспондент «Правды». Будет писать, как вы плохо ведете разведку, — подзадоризал Вершигора.

— Ручаюсь, будет у нас без работы, — добродушно отшутился широколицый.

— Познакомьтесь, — сказал Петр Петрович.

— Черемушкин Дмитрий, — представился широколицый.

— Бережной Иван Иванович, командир разведывательной роты.

— Мычка Федор, рядовой, пеший разведчик.

— Ковалев, политрук.

— Ну, а этот, — указал Петр Петрович, — взводный Гапоненко.

— Садитесь, — пригласил Бережной, — гостем будете.

— Хлопцы, — сказал Вершигора, — корреспондент должен вас хорошо знать и в бою не расспрашивать: кто это, как фамилия и тому подобное.

Вершигора ушел. Мы сели за стол.

Все парни как на подбор. На груди Черемушкина в свете лампы блестели ордена Ленина и Красной Звезды. Из грудного кармана его пиджака выглядывал автоматический карандаш. Прядь волос падала на лоб, и он привычным движением отбрасывал ее назад.

— Хотя я и вологодский, — сказал он, — а ковпаковец коренной. Вот они — пришлые, — кивнул он с улыбкой на Бережного.

— Ну, это не считается, — заметил Бережной, — что пришлые. Все равно ковпаковцы. Чем мы с Га-

поненко и Лапиным виноваты, что нас гитлеровцы не окружали? Мы добровольно пошли в тыл врага, что ж такого, скажи, пожалуйста? — заключил он, подмигивая Черемушкину.

Бережной и его боевые товарищи, выполняя специальное задание, на самолете перелетели линию фронта и в намеченных местах выпрыгнули с парашютами.

Когда задание было выполнено, они бродили около линии фронта и, не найдя выхода к своим, осели в партизанском отряде. Вместе с Вершигорой во вражеский тыл было высажено несколько человек, в том числе и радистка. Группа Вершигоры была принята Ковпаком и стала работать в его разведке.

Мычка, высокий украинец, сидел в углу и молча слушал. Казалось, его ничто не тревожило. Он смотрел на говоривших и что-то обдумывал. На его мундире тоже был орден Ленина.

Когда заговорили о полицаях, Мычка сказал:

— Да, им будет всю жизнь тошно. Хоть немного поработал на врага, а этого не смоешь. Если даже потом человек много сделал в борьбе с врагом и оправдал себя перед товарищами, все равно мысль о полицайстве будет до могилы мучить его.

Партизаны знали, что Мычка в свое время был мобилизован гитлеровцами в полицию. Но, получив винтовку, очутился у Ковпака.

В избу вошел молодой партизан.

— Иван Иванович, — сказал он, — ужин на столе. Где тут гость? Дай посмотреть на человека с Большой земли.

Он подошел ко мне и протянул руку.

— Зяблицкий Василий, старшина разведроты, интендант, заготовитель, одним словом, хозяин роты. Люди-то в Москве такие же остались, как и

здесь? Русские никогда не меняются. Так ведь? Что Москва?

— Нормально.

— Я так и знал, в Москве должно быть нормально. Москва — столица!

Все встали и вышли на улицу. Кто-то взял меня в темноте под руку и повел вперед. Не успели пройти и пятидесяти шагов, как очутились в светлой хате.

На табуретках и прямо на полу, на соломе, сидели молодые парни и чистили автоматы. В глиняных мисках горели опущенные в жидкое сало фитили.

— Это бойцы «чертовой дюжины», — сказал Бережной.

Мы познакомились. Здесь были разведчики Лапин, Стрелюк, Землянко.

— Завтра ребята пойдут в дальнюю разведку, — сказал Бережной, кивнув на разобранные автоматы. — Перед делом не мешает почистить и снять масло. Морозно. Оружие не любит холода.

На следующий день в избе, которую занимал Ковпак, собрались партизанские командиры. На это совещание командиров из соседних деревень приехали верхом, в санях, накрытых коврами, пришли на лыжах либо просто пешком. Деревенская улица былалюдна и оживленна, словно в праздник. Не торопясь, прогуливались по морозцу молодые парни с автоматами, перекинутыми через плечо. У многих под воротниками немецких мундиров были подшиты белые подворотнички, некоторые щеголяли в летних лайковых перчатках, и все без валенок: молодые — в хромовых трофейных сапогах, начищенных сажей, пожилые — в добротных яловых. Не верилось, что деревня находится больше чем в тысяче километров за линией фронта, в глубоком немецком тылу.

Сидор Артемьевич Ковпак развернул на столе карту и рылся в карманах, что-то отыскивая.

— Бес их возьми! — сказал он сам себе озабоченно.

Вершигора, улыбаясь, заметил:

— Так часто бывает в жизни. Например, ищешь шапку, а она у тебя на голове...

Ковпак недоумевающе посмотрел на него и тут же взялся за дужку очков, которые были на лбу.

— Бес их возьми, а я их ищу, найти не могу! — засмеялся он.

Ковпак оглядел собравшихся и, как бы перебирая в уме одного за другим своих командиров, сказал:

— Деда-Мороза нет, нет и его командира. Подождем малость.

Изда была просторная. Стол стоял у окна, был накрыт скатертью, расшитой красными петухами. Спиной к окну сидел Ковпак, наискосок от него — комиссар Руднев. Командир батальона Федот Матющенко сидел рядом с комиссаром. Он был сутуловат. Поверх его шубы был надет широкий брезентовый плащ, и комбат казался квадратным. Матющенко с первых дней организации соединения воевал под началом Ковпака, командовал батальоном, который составлен из жителей преимущественно Шалыгинского района, Сумской области.

Молча курил, ожидая начала совещания, секретарь партийного бюро соединения Панин. Он стоял у печки, прислушивался кговору и не торопясь затягивался табачным дымом. Яков Григорьевич уже побывал в батальонах, в ротах, беседовал с командирами и бойцами и сейчас ждал того момента, когда Сидор Артемьевич начнет говорить.

Рядом с Паниным стоял командир конной разведки — комсомолец Александр Ленкин. Стройный, кра-

сивый, весь подтянутый. Из правого рукава его немецкого мундира выползала змееподобная нагайка, чапаевская каракулевая шапка была лихо заломлена на затылок. Он держался сдержанно, как и подобает молодому человеку, попавшему в среду старших. Здесь он был всех моложе, но у себя, среди разведчиков, был старше всех. Большие, хорошо расчесанные усы спускались на углы его рта, прикрывая верхнюю губу. Ленкин степенно принял предложенный Матющенко табак и, молча скручивая сигарку, изредка посматривал на Ковпака.

И вот наконец в избу вошел, впустив клубы морозного воздуха, тот, кого поджидал Ковпак. Он поколотил валенком о валенок, снял шапку, поискал гвоздь на стенке и, отыскав его над лесенкой, приставленной к печке, повесил шапку и размотал шарф. Это был настоящий Дед-Мороз, образ которого каждый из нас хранит в памяти с детского возраста: невысокого роста, с белой как снег копной волос на голове, с окладистой бородой и усами в морозном облаке.

— Здравствуйте,— сказал он.

— А, Алексей Ильич, наше вам почтение, Дед-Мороз! — сказал кто-то.

Он с каждым поздоровался за руку, и по тому, как его приветствовали, было видно: уважаемый у партизан человек.

— А где твой командир? — спросил его Ковпак.

— Идет за мной,— сказал Дед-Мороз.

Скрипнула дверь, и на пороге появился высокий молодой парень в черной бараньей шубе — заместитель Ковпака по артиллерии Сергей Анисимов. У него Дед-Мороз и был комиссаром.

Ковпак оглядел собравшихся и, видимо, убедившись, что все в сборе, сказал:

— Отсиделись, воевать надо. Самолеты с Большой земли больше не прилетят. Будем продолжать рейд. Куда пойдем, узнаете позднее. Приказ получите перед выходом. Завтра готовьте сани, укладывайте взрывчатку, боеприпасы. Анисимов и Дед-Мороз, проверьте, хорошо ли уложены снаряды к пушкам. Одним словом, готовьтесь. Лошади отдохнули?

— Да, — отозвалось несколько голосов.

— Сегодня хочу вам рассказать все, что я думаю о рейде, и высказать то, о чем молчал.

Ковпак поправил очки, полез в карман, вынул аккуратно сложенный лист бумаги и развернул его перед собой. Комиссар Руднев изредка поднимал глаза на Ковпака, затем переводил свой взгляд на кого-нибудь из сидящих командиров, долго смотрел на него, точно стараясь угадать, о чем тот думал. Начальник штаба партизанского войска Григорий Яковлевич Базима, прислонившись к печке, внимательно смотрел на Ковпака. И лишь изредка подзадоривающе толкал своего соседа Вершигору. Тот старательно что-то записывал в маленькую потрепанную книжку. Дед-Мороз, покрасневшись от жары и расстегнув ворот гимнастерки, медленно и старательно поглаживал серебряную бороду. Ковпак начал говорить:

— Слышал я от некоторых партизан и их командиров, что тактика обороны вроде как лучше нашей рейдовой тактики. Объяснял я им, что война, а в особенности наша, партизанская борьба, не терпит застоя в приемах, не любит шаблонов. Не надо приучать противника к определенным методам наших боев. А то привыкнет, изучит эти методы, и тогда жди большой крови. Противник прет в глубь нашего государства, и мы не должны сидеть в лесах и ждать, когда враг пожалует к нам. Мы должны искать его, а не он нас, мы должны уничтожать его, а не он дол-

жен избивать нас, как кур. Вот так будет правильно с нашей тактикой.

В избе стало тихо. Сидор Артемьевич вытер платком лысину, осмотрел всех сидящих и продолжал:
— Зачем мы идем на запад от Брянских лесов? — спросил он.

Ему никто не ответил. Все знали, что Ковпак вслед за поставленным вопросом начнет сам отвечать на него — такая манера была у Сидора Артемьевича говорить на совещаниях.

— Наше соединение хорошо оснащено. Едва ли есть в немецком тылу еще такой большой отряд и с таким вооружением. Прикиньте, сколько у нас пушек, сколько сотен пулеметов, а автоматов за две тысячи перевалило. А снайперов сколько? Значит, большому кораблю — большое плавание. Значит, и задачи поставлены перед нами большие.

Он хотел было продолжать, но полез в карман. Все сидели молча, дожидаясь. Сидор Артемьевич оторвал от газеты добрую восьмушку и, высыпав в нее горсть табаку, начал крутить сигарку.

— Большому кораблю — большое плавание, — повторил он. — Я много на маршах думал над тем, что мы можем после взрыва сарнских мостов еще взорвать. Хорошо тогда у нас, прилично получилось. «А дальше куда ты нас поведешь, Ковпак? — так спрашивали меня многие бойцы. — Прошли мы с боями, — говорили они, — более трех тысяч километров, форсировали Днепр и вот теперь осели в Белорусском Полесье. Дальше лежит перед нами Польша». И спрашивали они, не поведу ли я их в Югославию?

В избе задвигались, оживились, кто-то сказал: «Красивый бы рейдик вышел, всеевропейский».

Ковпак посмотрел в сторону сказавшего и, поправив очки, продолжил:

— Не спорю, рейд был бы этот красивый, но дел нам и здесь, на нашей Украине, хватает.

Ковпак замолк, посмотрел поверх очков на сидящих командиров и строго сказал:

— Все опасные версты, которые мы прошли, форсирование Днепра — это, братики, только подготовка к настоящему делу. Мы только подошли к исходному рубежу нашей задачи. И сейчас, на этом исходном рубеже, скажу вам без утайки: сердце мое полно гордости и тревоги. Гордости потому, что каждый наш теперешний боец стоит двадцати прошлогодних; вооружены и одеты мы, как в сказке. Тревога же у меня потому, что засиделись мы в Полесье, народ начал тосковать по боевым делам, срывается, лезет в драку с немцами. А немец нам сейчас никак не нужен, и трогать его я запрещаю. Мы должны из Полесья ускользнуть, как ласточки по осени, тихо, незаметно. Один паршивый убитый фашист может нам всю идею загубить.

Он раскурил потухшую сигарку, снял очки, протер их полой ватника и, вновь надев, улыбнулся сидящим.

— Вижу я, хлопцы, непонятно вам, куда Дед клонит,— сказал он тихо.— Я все объясню, только терпение имейте. Одного хочу, чтобы вы запомнили твердо: мы в рейде с народом должны держать тесную связь. Особо смотрите в пути насчет лошадей. Нет-нет да находятся среди вас любители менять их. Чтобы крестьяне мне не жаловались. Насчет коров тоже. В противном случае будем считать это мародерством. А за мародерство, вы знаете, приказ по соединению № 200 требует расстрела. Противник — вот главная база нашего снабжения. Жить только за счет врага! За счет Гитлера! У него много откормочных баз, а там же наш скот. Вот и кушайте себе на

здоровье из этих баз. И вообще, если крестьяне пожалуются на вас, то смотрите! — повысил голос Ковпак. — Мы, партизаны, на иждивении Гитлера!

Он снова сделал паузу, а потом сказал:

— Это все по ходу дела. А насчет самого дела, вижу, что многие из вас еще не понимают, к чему все это я говорю. — Ковпак замолчал. Кто-то вздохнул вслух. Все достали табак. Зашелестела бумага. Над сидящими поднялись дымки. Каждый чувствовал, что Дед не сказал чего-то главного, которое все так хотели узнать. Но никто не задавал ему вопросов. Видимо, все хорошо знали характер и привычки своего командира.

— Конечно, вон немец-то уже под Сталинградом, — сказал Дед-Мороз.

— Правильно, — отозвался Ковпак. — Немец у Волги. Многие из вас высказывали, например, недовольство тем, что мы, украинские партизаны, зашли в Полесье, в Белоруссию. Многие из вас говорили, что место наше на коренной украинской земле. Понятно, что это идет от привязанности к родным местам. Но есть другая сторона медали — военная целесообразность. Зашли мы сюда потому, что таков стратегический замысел. На Украину надо прийти именно через эти дебри, через черный ход. Только отсюда мы могли отправить в Москву в госпитали раненых, а с Большой земли получить боевые припасы. А действовать мы будем теперь там, — Ковпак повысил голос и указал на занавешенное окно, — на великих украинских шляхах!

Сидящие вокруг стола затушили сигарки. Видимо, очень жарко было Деду-Морозу. Алексей Ильич взял в горсть свою большую белую бороду и словно носовым платком обтирал ею шею и подбородок. Ковпак, взглянув на него, засмеялся:

— Вот удобство-то, рушника не треба. Ну и борода... — подождал, пока успокоятся командиры, и продолжил: — Целесообразность требует, чтобы мы действовали на Украине. Умные вы головы, давайте поймем одну простую и мудрую вещь: гитлеровцы под Сталинградом уже получают по зубам. Так. Скоро они, как крысы, брызнут назад. Куда? К Днепру. Ведь враг-то не такой уж болван, чтобы от Красной Армии ломиться к своей бисовой матке через Пинские болота. Ему подавай широкие прямые шляхи. А где они здесь, эти шляхи? Они на Правобережной Украине. Ну, фашист пойдет от Красной Армии наутек, а мы должны закрыть ему шляхи и железные дороги. Мы не должны давать ему уतिकать. Наша армия, партизаны и народ должны закопать его в своей земле. Вот что мы должны делать. Расстраивать все его перевозки к фронту и от фронта, нагнать на него такую панику, чтобы он каждую минуту за штаны держался, а шляхов да хат наших боялся, как бес ладана. Мы должны помочь Красной Армии перемолоть врага, а остатки добить в самой Германии. Вот так будет правильно. Значит и выходит, что мы должны идти на Украину, на те места, где дорог с мостами много, где у фашистов лежат главные пути к фронту. Там мы будем его бить, калечить и еще делать то, что нам приказано свыше.

Ковпак умолк. Кто-то приоткрыл дверь. Лица у всех заметно повеселели. Многие шепотом друг другу начали что-то говорить... Изба загудела от шума.

Ковпак расстегнул ватник. Из-под его бортика блеснула звездочка Героя Советского Союза и орден Ленина. Дед расправил лежавший перед ним лист бумаги, и, оглядев командиров, дольше всех взгляд остановил на Вершигоре. Снова водворилась тишина.

— Так вот, — сказал Ковпак. — Неправильно многие из вас думают, что каждый отряд партизан действует сам по себе. Нет здесь, в тылу врага, такого отряда, чтобы он действовал как ему вздумается. Все отряды в тылу немца — единое великое партизанское войско, и каждый из нас на учете. Командует великим советским партизанским движением маршал Климент Ефремович Ворошилов. Каждому соединению он, согласно военному плану, и приказывает, что делать. Не стихия мы, как некоторые из вас говорят ошибочно, не вольница запорожская, а войско организованное, при командовании состоим. Мы, партизаны, у Центрального Комитета партии все время под наблюдением, и внимание к нам у партии большое.

Ковпак медленно обвел взглядом сидящих перед ним командиров. Потом остановил свой взгляд на комиссаре Рудневе, придвинулся к нему и что-то сказал на ухо. Руднев посмотрел на командиров, повернулся к Ковпаку и тоже шепотом что-то ответил. Ковпак кивнул головой.

— Ленкин, — отыскав глазами командира конной разведки, сказал Ковпак, — ты тут всех моложе. Выйди-ка, обойди хату, погляди еще раз, в порядке ли охрана.

Ленкин быстро вышел из избы. Все сидящие командиры молча ждали его возвращения. Ковпак, скрестив руки на столе, тоже ждал, глядя поверх голов командиров на дверь. Дверь отворилась, Ленкин подошел к столу и доложил:

— Товарищ командир соединения, охрана в полном порядке. Приказал от вашего имени на пятьдесят шагов к избе никого не подпускать.

— Хорошо, — сказал Ковпак. — Правильно приказал.

Он поправил очки и начал говорить:

— Помните, как я летал из Брянских лесов в командировку в Москву? — он оглядел снова всех командиров. Не дожидаясь их ответа, сказал: — Помните. Так вот, тогда в Москве был я у товарища Сталина.

В комнате стало очень тихо.

— Так вот, — продолжал Ковпак, — прилетел я тогда в Москву, разместился в гостинице «Москва». Оказалось, что кроме меня там собрались другие командиры партизанских соединений. Пошли мы по столице, начали глядеть на нее. Народ на улицах в ватниках, в шинелях, одним словом, как и полагается во время войны, хоть она и Москва. Ни одного шалопаю на улицах не видел, ни одного бездельника. У всех на лицах дело написано. В центре все больше военные, а в гостинице — так сплошь наши офицеры. Летчиков, наверно, целый этаж в гостинице был. Штатские, так те больше с пушечных и танковых заводов. Инженеры разные, тоже по делу прибыли. Заметил я, с куревом в Москве плоховато, не как у нас — трофейного табаку завались, мешками его возим. Плохо и со спичками, все больше зажигалки.

— Надо москвичам мешков десять табачку отправить, — предложил Дед-Мороз.

— И зажигалок мешка два набрать можно, — крикнул Матющенко. — Вот с кремнями хуже будет, не наберем много.

— Пасмурно было в Москве, хоть это и август, прямо под военный настрой погода. Кроме меня вызвали начальника Орловского штаба партизанского движения Матвеева, командира партизанских отрядов западных районов Орловской области младшего лейтенанта госбезопасности Емлютина, командира Брянского городского партизанского отряда Дука, командира партизанского отряда имени Ворошило-

ва капитана Гудзенко, командира партизанского отряда номер один старшего лейтенанта Покровского, командира соединения украинских партизанских отрядов Сабурова, командира партизанского отряда Сенченко, командира партизанского отряда имени Чапаева Кошелева, командира Брянского районного партизанского отряда Ромашина и еще несколько человек. Одним словом, партизаны собрались разные, по-разному воюющие.

Ковпак сделал паузу. Раскурил потухшую сигарку и задумался.

— Так что, Ставка Верховного Командования собрала нас, партизан, из разных областей и республик неспроста. После речи товарища Сталина о развертывании партизанской борьбы требовалось узнать, что делается в тылу у врага, какими дорогами идти партизанам дальше, на что нацеливаться. Вот для чего собрали нас в Москве.

— Что же, Дед, раньше-то нам не рассказал об этом? — спросил заместитель командира соединения по хозяйственной части Павловский.

— Всякому овощу свое время, — ответил Ковпак. — Значит, раньше не требовалось рассказывать об этом.

Он посмотрел на комиссара Руднева. Тот молча кивнул головой.

— И вот под вечер к нам в гостиницу приехали военные и давай спрашивать, кто кем командует, каковы соединения наши и отряды, а потом говорят: «Пойдемте». Вышли из гостиницы, а нас машины уже ждут. Подъезжаем к Кремлю и в Спасские ворота.

Поднялись во дворец. Открыли перед нами дверь и говорят: «Пожалуйста, заходите». Входим. Народу много. Справа окно, и перед нами длинный стол. И

тут я увидел: у окна товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стоят. Ну, прямо сознаться надо, оторопел я. Прямо растерянность овладела мной. И вдруг слышу: «А, вот каким стал Ковпак!» — это Ворошилов сказал. С ним я встречался еще в гражданскую войну, да и после нее в восстановительный период доводилось видеться. Подошел он ко мне, и мы расцеловались. И товарищ Сталин подошел, поздоровался за руку, пригласил сесть к столу. «Вот здесь садитесь,— сказал он и показал мне место около себя.— Садитесь, садитесь...» Очень я растерялся. Да и каждый из вас, приведись такое, тоже бы растерялся. Сталин улыбнулся и начал расспрашивать то одного, то другого о семьях: где они, живы ли. Потом встал со стула и начал подходить к каждому, говорить с ним.

И вдруг неожиданно для меня товарищ Сталин сказал: «Слово имеет Ковпак». Я поднялся, потому что привык с начальством говорить стоя, а товарищ Сталин заметил: «Садитесь». Я сел и растерялся. Сталин и это заметил.

«Мы будем задавать вопросы,— сказал он,— а вы будете отвечать. Нужны в партизанских отрядах, товарищ Ковпак, комиссары?» «Нужны,— отвечаю.— Без комиссаров в партизанских отрядах нельзя».

«Как вы держите связь с населением?» — спрашивает Сталин.

Я ответил. Было что рассказать. Наши батальоны всегда держат связь с народом.

«Как население относится к партизанам?»

На этот вопрос я тоже четко ответил. Нам, говорю, за примерами настоящего народного отношения к своему войску ходить далеко не надо. Тогда товарищ Сталин начал расспрашивать о том, как кормимся, как обстоит дело с оружием, обмундированием. И

опять спрашивает: «А как вы думаете, товарищ Ковпак: если пойти вам на правый берег Днепра и поднять там народ на вооруженную борьбу против немецких захватчиков?»

Я хотел было ответить: мы ведь с вами уже думали о таком рейде. Но Иосиф Виссарионович не дал мне высказаться сразу. «Подумайте, потом ответите», — сказал он и начал расспрашивать командира соединения Сабурова.

Я продумал ответ и посмотрел на товарища Сталина. Он увидел мой взгляд и дал слово.

«Мое соединение, — сказал я, — прошло по тылам врага с боями и диверсиями три тысячи километров. Можно выйти и на правый берег Днепра. Для этого, товарищ Сталин, нам надо оружие и боевые припасы».

«Составьте заявку», — сказал он.

Вот там, у него в кабинете, пока Сталин говорил с другими командирами партизанских отрядов и соединений, я и составил заявку и сам испугался. Думаю, если самолет поднимает тонну груза, то по моей заявке выходит, сто самолетов нам требуется. Где же их взять, когда, наверное, и на фронте самолетов не хватает? Зачеркнул и написал заявку наполовину меньше. Товарищ Сталин взял мою заявку, прочел ее, подумал, что-то написал на ней, а потом и говорит:

«Не стесняйтесь, товарищ Ковпак, в отношении самолетов».

Я начал переделывать заявку. Смотрю, там, где я написал «ботинки», рукой Сталина написано: «сапоги».

— Сапоги! — воскликнул Матющенко. — О це да!

— Да, он написал «сапоги», — Ковпак улыбнулся. — Я не решился: сами знаете, немцы у Волги и

страна в каком положении. А он написал: «сапоги». А еще ниже дописал: «пушки и снаряды». Я совсем растерялся. Счастью нашему не верю. Зажмурю глаза, посмотрю на заявку и вижу: точно написано его рукой «пушки и снаряды». Я переписал заявку, Сталин передал ее Ворошилову и сказал: «Надо обеспечить товарища Ковпака, собрать их с товарищем Сабуровым в рейд».

Ворошилов взял заявку, и вы знаете, как к нам начали прилетать в Брянские леса самолеты с Большой земли и сколько они привозили нам патронов, взрывчатки, разного оружия. Помните ночь, когда нам доставили первые пушки? И вы, конечно, понимаете, что теперь без этих пушек мы воевать уже не можем. «Партизанское движение,— говорил товарищ Сталин,— есть дело народа. В него нельзя вмешиваться административным органам. Народ на борьбу с немцами поднялся хорошо. Партизаны это движение должны всячески развивать. Командир партизанского отряда с комиссаром представляют в тылу врага и партию, и Советскую власть».

Ковпак смолк. Он посмотрел поверх очков на сидящих командиров и строго продолжал:

— Сталин предупредил нас на совещании, особо предупредил о связи с народом.

Сидор Артемьевич сделал паузу, достал большой цветной платок и начал вытирать им шею. В избе по-прежнему было очень тихо.

— Ну, из Кремля уехали, конечно, все взволнованные,— продолжал Ковпак.— На этом самом совещании окончательно определились и тактика, и стратегия, и конкретные задачи каждому отряду и соединению. Нашу тактику рейдов товарищ Сталин одобрил и закрепил. Теперь, хлопцы, для нас только движение, только движение и крупные диверсии на

мостах, в базах врага, неожиданные удары по противнику, и только насмерть, а не на испуг.

После короткой паузы Сидор Артемьевич продолжал:

— А потом меня пригласил Климент Ефремович Ворошилов, с его генералами мы разработали маршруты рейдов, задачи. Он вручил мне приказ и сказал напутственное слово. В ту же ночь я улетел обратно в Брянские леса.

Ковпак замолчал. Кто-то громко вздохнул, и все полезли в карманы. Зашелестела бумага, командиры молча скручивали сигарки. Вскоре под потолком поплыли облака дыма.

— Дверь-то откройте, задохнетесь,— засмеялся Ковпак.

По выражению лица Ковпака было видно, что он не все еще сказал. Очевидно поэтому ему никто не задавал вопросов, все ждали.

— Вот к чему это я рассказал,— наконец вымолвил Ковпак, потушив свою толстую сигарку в миске, которая стояла на столе вместо пепельницы.— У нас тактика правильная. Мы отсюда пойдём на Правобережную Украину и должны выполнить то, что сказал товарищ Сталин. Умри, но сделай, иначе не партизаны будем, а так, пустое место. Готовьтесь к рейду. А теперь слушайте боевой приказ Главного командующего партизанским движением Советского Союза от 15 сентября 1942 года о выходе в новый рейд объединённых рот, батальонов и отрядов нашего соединения!

И Сидор Артемьевич зачитал приказ.

В первой части говорилось о том, что немцы из далекого своего тыла перебрасывают резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт и вывозят из нашей страны в глубь Германии награблен-

ное имущество, что районы Житомирской и Киевской областей, расположенных в правобережной части Украины, с наиболее развитой сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являются стратегически важными путями, идущими с запада на восток.

Кроме того, противник, используя западный, господствующий берег реки Днепра, возводит там мощные укрепления, и в связи с этим Правобережье, как следует ожидать, в ходе войны будет представлять плацдарм ожесточенных боев. Именно здесь широко организованная народно-партизанская борьба позволит нанести врагу серьезный удар с тыла и тем самым окажет неоценимую услугу Красной Армии.

Важность рейда ковпаковского соединения определялась еще и теми факторами, что в Киеве фашистские оккупанты сосредоточили административные, карательные и другие учреждения, осуществляющие политику угнетения и колонизации украинского народа.

Во второй части этого документа говорилось, что объединенным партизанским отрядам Ковпака во взаимодействии с отрядами другого командира украинского партизанского соединения, Сабурова, приказано выйти в район Людвиновки, Давидки, Мухоеды с задачей проведения боевой диверсионной работы на железнодорожных магистралях. Из этих районов надо действовать на железных дорогах Коростень — Киев, Житомир — Фастов, Озруч — Чернигов. Здесь пролегает также много шоссейных дорог.

Ковпаковцы должны были подготовить на Правобережье площадки для посадки самолетов, организовать связь с действующими партизанскими отрядами. В населенных пунктах, расположенных вокруг основной базы, партизаны соединения обязаны орга-

низовать надежную агентурную связь, в городах и селах создать базы содействия, подбирая для этой цели лиц, проявивших себя в борьбе с фашистами. Таким образом создавались бы скрытые вооруженные резервы партизанского движения.

В приказе говорилось и о том, что Ковпак должен обратить особое внимание на организацию широкой разведки в населенных пунктах, прилегающих к Киеву, создать подпольные вооруженные группы партизан в районах мостов через Днепр у Киева. Эти группы должны вести подготовку к разрушению мостов или захвату их, в зависимости от обстановки.

Широко развитая подпольная сеть позволит истреблять фашистских политических и государственных «деятелей» и генералов, а в Киеве и прилегающих к нему районах организовать в большом масштабе разрушение электростанций, систем водоснабжения, аэродромов, складов, депо, военных мастерских и других объектов военно-экономического значения.

В конце приказа Главнокомандующий определял ось движения партизанского соединения Ковпака, вплоть до названия сел и деревень.

— Слышали? — спросил Ковпак. — Под приказом подпись: «Главнокомандующий партизанским движением Маршал Советского Союза К. Ворошилов».

Дед окинул взглядом всех сидящих и продолжил:

— В Брянском лесу в узком кругу командиров я решил первую часть нашей задачи — рейд на правый берег Днепра. Это только начало перемещения партизанских сил на Правобережную Украину и Белоруссию, на великий наш оперативный простор. Теперь перед нами вторая часть задачи, общая наша задача. Значит, нам надлежит не только перемалывать вражеские силы, а и всеми мерами разворачивать

партизанское движение на правом берегу Днепра, расширять боевую деятельность, охватывая новые и новые районы. Вы должны понять — рейд через Днепр, который мы провели, рейд не ради рейда, а только средство, необходимейшее средство расширения боевых действий партизан. Эту часть мы выполнили.

В избе опять воцарилась тишина. Из кухни доносились трели сверчка, спрятавшегося в укромном уголке за печкой.

— Климент Ефремович сказал, что если мы невыполним приказ, то он сердиться не будет и даже одобрение вынесет, — улыбнулся Сидор Артемьевич. — Помните, товарищи, партия и правительство для победы все организовали — армию, промышленность, сельское хозяйство и нас, партизан. Мы с вами — часть великого организованного партизанского войска. И порядок у нас должен быть ворошиловский. Украина должна быть огненной землей для врагов нашего Отечества. Готовьтесь к рейду. Базима, Войцехович и Вершигора, останьтесь у меня, — сказал Ковпак. — Остальные — в свои подразделения.

Через тридцать часов после совещания начался грандиозный рейд рот и батальонов Ковпака по дальним тылам врага из Белорусского Полесья на Правобережную Украину.

В комнате начальника штаба Базимы и его помощников — начальника оперативной части Василия Войцеховича и делопроизводителя Семена Тутученко было много народу. Люди толпились в дверях, дымя сигарками, стояли около Войцеховича, сидели на топчане, сколоченном из досок.

— Ну, кто еще не получил приказа? — спросил Базима.

— Конная разведка,— сказал стоявший у двери молодой парень в кубанке и длинном драповом пальто.

— Конники потом получают. Еще кто?

Ответа не последовало.

Базима снял очки и стал их протирать. При этом он, щурясь, с веселым любопытством оглядывал людей, хотя и знал всех. На его широком лице острая бородка казалась слишком маленькой.

— Расходитесь по домам,— сказал Базима.— Дежурный, позови ко мне Бороду.

— Петрович,— сказал Базима появившемуся в дверях Вершигоре,— давай посмотрим, как обстоят дела у твоей «чертовой дюжины».

— Хлопцы готовы к рейду,— сказал тот.— Черемушкин с ребятами утром идет на запад.

Он достал из кармана карту и, развернув ее, положил на столе перед Базимой.

Вокруг собрались штабные.

— Давайте проанализируем, как шли до озера Червоного и как пойдём дальше,— сказал Базима.

В эту минуту Григорий Яковлевич выглядел совсем штатским. Позже он как-то рассказал о своей жизни. До войны Базима был директором путивльской средней школы. Примкнул к Ковпаку в первые дни отряда и вскоре стал неизменным помощником Деда. Базима оформляет приказы, рассчитывает графики предстоящих рейдов, он же выбирает людей, которых надо послать на ответственные диверсионные операции. Десяносто процентов личного состава огромного соединения Григорий Яковлевич знал не только в лицо, но и по фамилиям и кличкам. Он отличался работоспособностью и усидчивостью, не придавая этим своим достоинствам никакого значения. Единственно, чем гордился Базима,— это умением

держат в порядке всю документацию штаба. В трофейном сундуке хранились приказы Ковпака от первого до последнего, схемы проведенных операций и военные карты.

Справа, опершись локтями на стол, оставив пишущую машинку и недописанную сводку распределения боеприпасов по батальонам, сидел Тутученко. Среди партизан Ковпака были не только простые бойцы, колхозники и рабочие, но и профессора, кинорежиссеры и даже архитектор — Семен Тутученко.

Слева от Базимы, спиной к окну, сидел Войцехович. Светлые русые волосы, голубые глаза, быстрый взгляд, выражавший нетерпеливое ожидание, — все говорило об энергии этого человека. В прошлом инженер, потом офицер Красной Армии, «окруженец», как часто тогда называли наших людей, попавших в окружение, затем партизан и теперь помощник начальника штаба Ковпака.

Штабисты внимательно рассматривали карту, лежавшую перед Базимой. На ней было указано основное направление рейда, намеченного Ковпаком и Рудневым. В оставшееся время надо было провести детальную разработку трудного похода.

— По-моему... — Базима посмотрел на дверь, понизил голос и шепотом сказал: — По-моему, Дед решил пойти к Киеву с тыла.

— У Деда, наверное, есть особое задание. О нем он помалкивает, — сказал Тутученко. — Видимо, метит на крупный железнодорожный узел.

— Так или иначе, Дед не скажет о том, что задумал. Наметим пока маршрут на село Милевичи, — сказал Войцехович. — В этом селе будет первая дневка.

— Вот хорошо, — обрадовался Вершигора. — Я как предчувствовал, подразведаль и этот район: Во-

лодка Лапин пришел оттуда. В деревнях есть гитлеровцы, но маловато.

Все наклонились над картой и начали разбирать маршрут.

— Василий Александрович,— сказал Базима Войцеховичу,— пиши приказ о выходе в рейд и наметь маршрут на Милевичи.

Закончив писать приказ, Войцехович пошел подписывать его к Ковпаку, а я отправился в свою хату.

Тогда, сидя в убогой избе и наблюдая, как ее хозяйка занималась сборами в лес, я не задавался вопросом: кто же такой Ковпак, и откуда он черпает силы для мудрого, осторожного и вместе с тем необычайно смелого командования огромным соединением? Я просто впитывал впечатления и думал о том, как немедля превратить их в корреспонденции для «Правды». Хотелось, чтобы весь советский народ знал: в глубоком тылу фашистских армий есть грозная сила, которая не позволяет врагу чувствовать себя хозяином на нашей земле. Эта сила стала складываться на оккупированной фашистами территории в первые же дни войны. И тогда же наша партия выдвинула из своих рядов руководителей партизанскими отрядами. Впоследствии эти отряды влились в огромные соединения, и возглавили их выдающиеся деятели партизанского движения. Одним из них был Сидор Артемьевич Ковпак. Кто же такой Ковпак? Ковпак — символ народного гнева, Ковпак — сын народа, возвращенный соками родной земли.

Биографию Ковпака я узнал от него самого. Както зайдя в хату, где размещался Сидор Артемьевич, я застал его за необычным делом. Он сидел у окна и старательно что-то писал на большом листе бумаги. Писал он ученической ручкой, очевидно, эта ручка была дочки или сынишки хозяина. Писал, отрываясь

**Комиссар соединения
Герой Советского Союза
С. В. Руднев**

**Заместитель коман-
дира соединения
по разведке
П. П. Вершигора**

**Начальник оператив-
ного отдела штаба
В. А. Войцехович**

**Начальник штаба Г. Я. Базима (слева) с командиром роты
П. Пятышкиным за разработкой диверсионного плана**

Командный пункт боя у реки Тетерев

**Выход диверсионной группы на железную дорогу
Житомир — Киев**

Ковпаковцы в западнобелорусском селе Чолонец

**Заместитель Ковпака
по артиллерии
С. В. Анисимов**

**Комиссар артиллери-
стов А. И. Коренев**

**Радистки (слева направо) Клава Лычана
и Рая Шарова**

**Командир партизан-
ской конницы
Александр Ленкин**

**Разведчик Дмитрий
Черемушкин**

**Командир роты
Федор Карпенко**

**Политрук разведроты
Иван Ковалев**

**Старшина разведроты
Василий Зяблицкий**

**Разведчик
Федор Мычка**

**Разведчик Владимир
Лапин**

**Разведчик Николай
Матвеев**

**Разведчик Антон
Землянко**

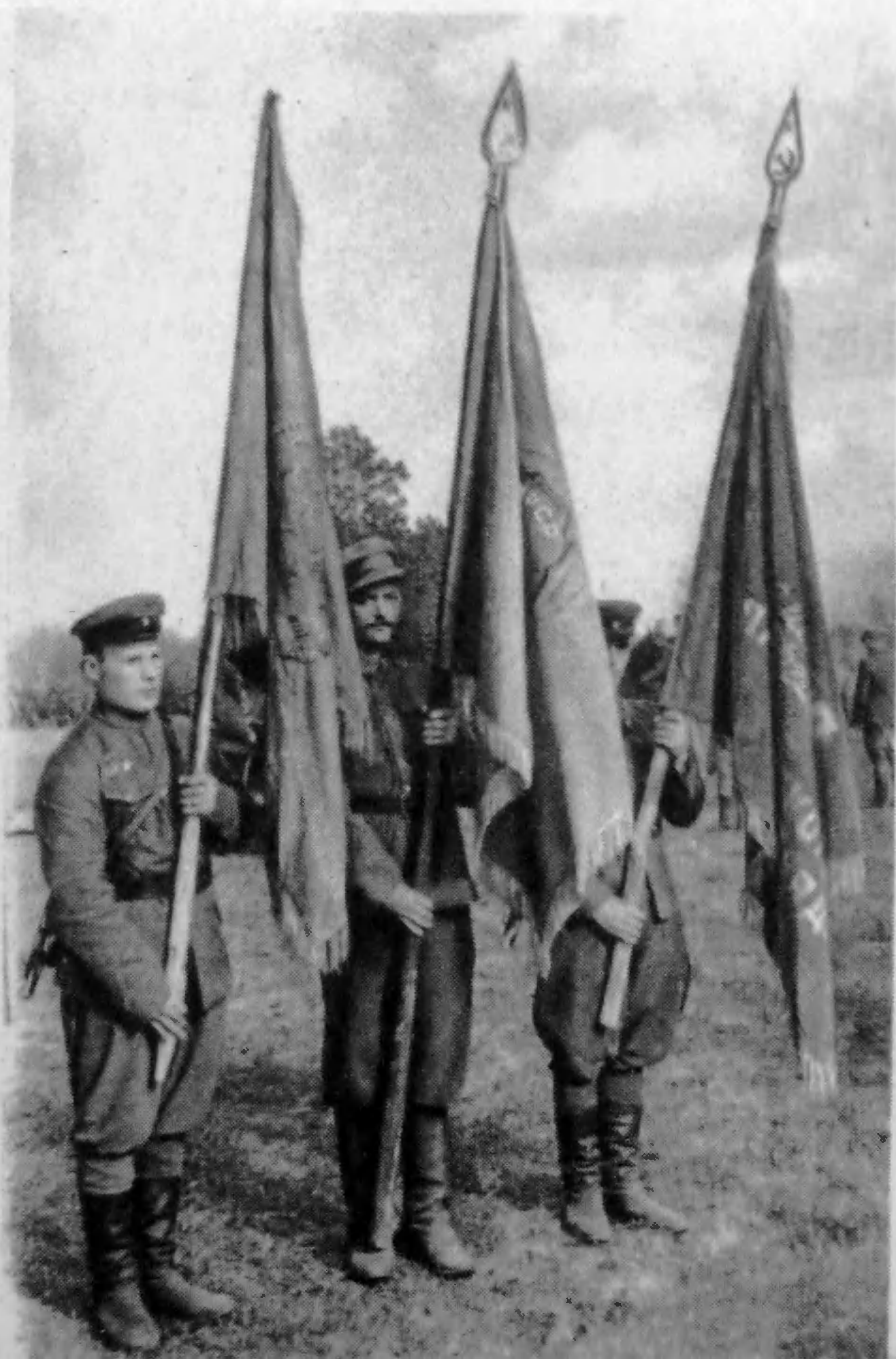

**Разведчик Николай
Гапоненко**

**Сын комиссара соеди-
нения Радик Руднев**

**Знамена, под которы-
ми воевали ковпаков-
ские партизаны**

Разведчица Ковпака А. К. Демидчик и бывший командир охранного полка подполковник Йозеф Гусар после войны в Братиславе

С. А. Ковпак на сессии Верховного Совета СССР в Кремле

от написанного, смотрел в окно и снова склонялся над бумагой, старательно выводя буквы. «Так штабные бумаги не пишут», — подумал я. Он посмотрел на меня и, видимо, понял мой любопытствующий взгляд:

— Вот... — вздохнул он. К чему это «вот» относилось, я не понял, а он замолчал. — Вот яка дуже велика задача у меня. ЦК партии Украины поставил.

— Новая задача перед соединением поставлена? — спросил я.

— Если б перед батальонами стояла новая боевая задача, так це ж удовольствие одно. А тут треба писати саму біографію.

— Какую биографию, чью?

— Мою, мою в ЦК. — Он потер перо об волосы на затылке и хотел было продолжать письмо, но положил ручку и внимательно поглядел на меня: — Легче жизнь прожить, чем эту самую биографию писать...

— Биографию писать не так уж трудно, — возрастил я. — Разрешите посмотреть, что вы написали.

— А ну, побачь. Ты людина грамотный, раз тебя к нам в соединение прислали из Москвы.

Я взял написанное Ковпаком и начал читать вслух.

«Я, Ковпак Сидор Артемьевич, 1887 года рождения, украинец. Уроженец Полтавской области, Котельевского района, слободы Котельва, член партии с 1919 года.

Отец до революции занимался хлебопашеством в своем хозяйстве и сезонно работал у помещиков и кулаков. Семья состояла из двенадцати человек. Благодаря бедности отца, я одиннадцати лет пошел работать мальчиком к местному торговцу железо-скобяными товарами, у которого проработал до призыва

на действительную военную службу. Осенью 1908 года я был призван и направлен в город Саратов в 186-й пехотный полк, где и отбывал военную службу до июня месяца 1912 года».

— Ну, як? — спросил он и начал сгребать ладонью правой руки со стола махорку.— Сдается, что-то я недоговорил.

— По-моему, пока идет все гладко,— сказал я.— Только надо бы написать «не благодаря бедности», а «из-за бедности отца»...

— Как так не благодаря бедности? Именно благодаря ей. Ты же молодой, не знаешь бедности бедного люда того времени. Оставляю так, як написал.

Ковпак свертывал сигарку, я продолжал читать.

«После демобилизации остался работать в городе Саратове, сначала работал грузчиком в порту, а потом чернорабочим в трамвайном депо. В июле месяце 1914 года во время империалистической войны был мобилизован и направлен на фронт, где и находился до Февральской революции.

Во время наступления Керенского наш полк в наступление не пошел, а начал отходить к Черновицам, а от Черновиц отошел к станции Окница. Во время этого отхода я был избран членом полкового комитета и начальником команды связи. Простояв несколько дней на станции и под нажимом империалистически настроенных войск генерала Щербачева, полк был вынужден ночью уничтожить оружие и боеприпасы, демобилизоваться и без оружия направиться по домам под лозунгом «Долой войну и не делиться на русских и украинцев». В том числе и я направился домой, в мае 1918 года прибыл к себе на родину и дома встретил многих товарищей, пришедших из армии домой.

При встрече дома с товарищами начались разговоры об организации отряда, и вскоре партизанский отряд был организован, и я был избран начальником штаба обороны Котельвы и председателем земельного комитета. Вся земля помещиков и кулаков к концу мая была полностью разделена среди безземельных и малоземельных крестьян».

Ковпак курил и выжидательно посматривал на меня. Но вопросов не задавал, а ждал, когда я дочитаю до конца. Потом он уставился на меня, и настолько был выразителен его взгляд, что я сразу сказал:

— Пока идет все нормально.

— Ну добре. Читай дальше.

«В 1919 году под нажимом белых наш отряд оставил слободу Котельву и направился к Туле, где и влился в части Красной Армии, а я по болезни был направлен в город Самару, куда и прибыл в июне месяце 1919 года, а в июле этого года прибыл в Уральск в штаб Чапаевской дивизии и назначен на должность помощника начальника команды по сбору оружия.

После ликвидации белых у Гурьева Чапаевская дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт, а команде по сбору оружия было приказано перебросить вооружение и боеприпасы из города Уральска на Южный фронт. Я был назначен начальником по переброске всего вооружения и боеприпасов из Уральска на Южный фронт.

В момент разгрузки города Уральска от вооружения и боеприпасов бывший комбриг Чапаевской дивизии Сапожков поднял против Советской власти восстание и хотел захватить в городе Уральске вооружение и боеприпасы. Под моим командованием на подступах к городу банда Сапожкова была растре-

пана и в город не допущена, вооружение и боеприпасы мною были переброшены на Южный фронт в распоряжение Шестой Армии.

После разгрома Врангеля меня направили в распоряжение Запорожского губернского военного комиссара, куда и прибыл в декабре месяце 1920 года и получил назначение на должность помощника больше-токмакского уездного военного комиссара, где и работал до 17 ноября 1921 года».

Страница кончилась. Ковпак докурил свою сигарку, подошел к печке и аккуратно потушил ее на кирпиче, служившем хозяйке подставкой под сковороды или чугуны. Потом не торопясь сел к столу, протер очки о полу гимнастерки и покачал головой.

— Легче воевать было с этим самым изменником Сапожковым, чем все это вспоминать, да еще писать про это,— сказал он.— Не люблю описывать свою жизнь, да и вообще рассказывать про нее.— Он посмотрел в окно и, взяв написанное, перечитал.

— Пишите дальше и разрешите переписать все это себе в блокнот,— сказал я и взял со стола испи-санные им страницы.

— А зачем это тебе? — спросил он.— Это я для ЦК партии пишу.

— А на всякий случай, в нашем деле может пригодиться. Никто, кроме вас, лучше и точнее вашу биографию не расскажет.

— Переписывай, раз тебе она пригодится. Пиши. А я продолжу тоже.

Ковпак писал медленно, большими буквами, часто вскидывал голову, вспоминая прожитую жизнь.

Потом он отложил ручку и положил передо мною написанное. Прошелся по избе и, взяв со скамейки старую газету, начал читать. Я взял продолжение:

«В ноябре 1921 года запорожским губернским

военным комиссаром отозван и назначен геническим уездным военным комиссаром, где и проработал до 24 мая 1923 года.

После расформирования уездов был переведен в Кривой Рог на должность помощника окружного военного комиссара, а 19 октября 1924 года был переведен в город Павлоград на должность павлоградского окружного военного комиссара. По расформировании Павлоградского окружного военного комиссариата 23 июня 1926 года районным военным комиссариатом я был демобилизован и направлен в распоряжение Павлоградского райкома партии. Райком партии направил меня на административно-хозяйственную работу, и я был назначен директором военно-кооперативного хозяйства Днепропетровского ЗВК и работал до апреля 1934 года. В апреле был переведен ВКУ Украинского военного округа в город Путивль и назначен директором военно-кооперативного хозяйства. После ликвидации хозяйства в 1935 году был назначен начальником Путивльского районного дорожного отдела и работал до 1 января 1940 года.

2 января 1940 года на сессии Путивльского городского Совета избран председателем городского исполнительного комитета, где и работал до 10 сентября 1941 года, то есть до оккупации немцами города Путивля, а 10 сентября с группой в 13 человек вышел в Спадщанский лес в 7 километрах от города Путивля для организации партизанского отряда».

— Почему ты на меня так глядишь? — спросил он неожиданно.

— Удивляюсь вашей памяти. Как это вы помните все даты, даже числа, не говоря уж о месяцах.

Сидор Артемьевич явно был польщен. Он затерял свою бороду и засмеялся добрым смехом.

— Такая жизнь была... есть что вспомнить. А числа и месяцы я легко запоминаю. Вот помню все бои, которые вело наше соединение и по числам, и даже по названию дней. Все они имеют большое значение...

Он недоговорил, замолчал. Затем подытожил:

— Запомнишь, если к жизни серьезно относишься...

Сидор Артемьевич взял написанное им.

— Допишу в другой раз. На марше где-нибудь, на дневке в теплой кате...

Вот и вся довоенная биография Деда — обычная биография партийного работника. Крестьянский сын, солдат империалистической войны, солдатский депутат накануне революции и воин гражданской войны. В мирные дни Ковпак занимался мирными делами. Мостил дороги, сажал в Путивле парк, мечтал о том, чтобы сады приравнивались у нас к хлебным полям, чтобы план садоводства шел наравне с хлебным планом. Хотел вишнями, сливами, грушами и яблонями засадить все пустыри.

— Наши шляхи, — мечтательно говорил в свое время Ковпак Базиме, — обсадить бы яблонями или грушами, и по весне ехали бы белым коридором. Я бы делал так, — продолжал он. — Утверждая человека на пост секретаря райкома партии или председателя райисполкома, спрашивал бы: а в садах разумеешь? Любишь ли природу? Мечту имеешь в цвету землю видеть? Если нет такой мечты — к деревне не подходи...

Но грянула война, и Ковпак вместе со своими товарищами-коммунистами взял винтовку и пошел защищать землю, которую так хотел украсить.

...Ковпак начал читать старую газету. Я пошел в штаб. Присматриваясь к людям, к работе Базимы и Войцеховича, я понимал: расспрашивать ни о чем

не надо. И так все было ясно: соединение готовилось к выходу в рейд.

Вернувшись к Ковпаку, я спросил его:

— Когда думаете выходить в рейд?

— Когда дорога крепкой станет,— сказал он и хитро прищурился.— Мороз будет, дорога скатертью станет.

Он посмотрел на меня внимательно, точно старался прочесть в моей душе все до конца.

— Не журишь. Тысячу верст пройдем, а там самолет будет, и улетишь в Москву,— сказал он.

— Не об этом думаю — ответил я.— Как бы самолетом отправить корреспонденции и фотопленку в «Правду».

— Самолетов больше не будет. Хотя...— он задумался.— Да, есть у нас самолет, он на озере ремонтируется. Сегодня ночью улетит в Москву.

Ковпак подошел к зеркалу, посмотрел на свою бороду. Лицо его выразило неудовольствие.

— Побриться надо,— сказал он.— Политуха,— позвал он своего ездового,— позови парикмахера.

Я собрался уходить. Надо было определить свое место. Где быть? В каком батальоне? И Ковпак, глядя на меня, догадался о том, что меня волновало.

— Если хочешь все видеть,— сказал он,— прикрепишься к Бороде, Вершигоре. В бой не лезь — у нас есть кому стрелять, гляди больше.

— Да, пожалуй, так и надо сделать,— ответил я и собрался уйти.

— Погоди, погоди, кажется, летят за твоими бумагами,— сказал он и быстро подошел к окну.

Нарастал гул моторов. Он перерос в рев, на улице началась стрельба. Я выбежал из избы. Со стороны озера в пике заходили три бомбардировщика. Бомбы оторвались от фюзеляжа и, сверкая на солнце, пада-

ли на деревню. Раздались взрывы, над домами поднялись черные столбы дыма. Соломенную крышу на хате Ковпака сорвало. Я вбежал в дом и увидел Ковпака, стоявшего посередине комнаты. Оконная рама, вырванная силой взрыва, была, как хомут, надета на нем. Шея поранена стеклом, за ворот фуфайки текла кровь. Я снял раму и вынул из кармана пакет с бинтом.

— Вот, гитлеровцы Ковпака в вола превратили, ярмо на шею надели,— сказал он, смеясь. Посмотрел на мой санитарный пакет и строго добавил: — Убери, у меня свой есть. Если ранят, тебе пригодится.

Он достал бинт, я перевязал ему рану на шее.

— Вот как они твои письма забирают,— со смешком кивнул он на выбитые окна.

На улице вновь поднялась стрельба. Хаты задрожали от новых взрывов.

— Пойдем на улицу,— сказал он.— Хата завалится, задавить может.

Припугнутые трассирующими очередями партизанских пулеметов, немецкие самолеты отошли к озеру. Один из них кружился, набирая высоту. Другой на пике задымил и со снижением полетел на север. Над озером поднялся столб дыма и загрохотал взрыв.

— О! —воскликнул Ковпак.— Это же он, гад, в наш самолет попал.— Поникнув головой, он пошел к штабному дому.

В штабе все были в сборе. Среди партизан стоял авиаинженер, ремонтировавший самолет. На дощатой кровати сидели летчики. Ковпак посмотрел на них и, вынув кисет, сказал:

— Гады. Одним словом, гады.

Оказалось, что во время налета фашистские бомбардировщики сожгли на льду озера отремонтиро-

ванный самолет и два сарая, из которых били по ним бронебойщики.

— Придется вам теперь с нами по земле идти, и не к Москве, а от нее, — сказал Ковпак.

Летчики встали. Один из них подошел к Ковпаку.

— Куда нас определите? В какое подразделение? — спросил он.

— Григорий Яковлевич скажет, — ответил Ковпак, указав на Базиму. — Готовьтесь к рейду, запрягайте, хлопцы, коней. Сегодня три прилетело, завтра утром прилетят шесть, а к обеду и полки подойдут.

Все задвигались, повеселели. И только летчики были заметно опечалены.

И СНОВА В РЕЙД...

Наступали сумерки. Партизаны начали вывозить сани из дворов на улицу.

Если бы у ковпаковцев за плечами не было винтовок и автоматов, то можно было подумать, что жители богатого села собираются на большую ярмарку. Одни чистили лошадей, другие смазывали дегтем сбрую, третьи хозяйственно укладывали в сани взрывчатку, ящики с патронами и мешки с продуктами. Поражала молчаливая сосредоточенность людей.

Рослые лошади, захваченные у врага, были запряжены в пушки. Лошадей хорошо кормили, они привыкли к новым хозяевам.

Начальник партизанской артиллерии Сергей Васильевич Анисимов осматривал колеса пушек.

Заметно начало темнеть. Улица преобразилась. Множество саней, накрытых рядом, выехало на дорогу. Партизаны повязали вокруг воротников шарфы,

вместо кожаных сапог на ногах теперь были валенки. Станковые пулеметы выглядывали из-под цветных домотканых ковров. В хвостах и гривах лошадей виднелись разноцветные ленточки.

Это был первый батальон, Путивльский, которым командовал сам Ковпак.

Все ожидали Деда. Перед его домом стояли лошади, запряженные в сани с высокой спинкой. За санями пританцовывала вороная лошадка. На ней было седло, и с луки спускалась нагайка.

Политуха, ездовой Ковпака, хлопотал тут же. Иногда он отходил от упряжки, придирчиво осматривал ее со стороны и что-нибудь поправлял.

Время шло. Кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Их спины и бока белели от изморози.

Сзади саней Деда стояли такие же, как и у Ковпака, сани комиссара Руднева. За ними гарцевала статная белая лошадь.

Скрипнула дверь. Вышел Дед и начал осматривать готовую к походу колонну. Подошел к саням, которые почему-то показались ему ненадежными, потрогал крепление оглобель, чересседельники и, не найдя недостатков, вернулся к своей повозке.

К Ковпаку подъехали командир разведывательной роты Бережной и помощник начальника штаба Войцехович.

— Товарищ командир объединенных украинских партизанских отрядов, — громко и по-военному четко начал Бережной, — соединение готово к рейду. Конная разведка Ленкина выслана для захвата моста на реке Случь. Стадо скота вышло на два часа раньше по маршруту под охраной второго батальона. Ну, а остальное видите сами, — закончил он, понизив голос, уже по-штатскому.

— Добро, — сказал Ковпак. — В счастливый путь. Давай ракету.

В воздух взвилась красная ракета. Лошади насто-
рожились.

— Ну, присядем перед рейдом,— сказал Ков-
пак,— такой обычай у народа нашего.

Все сели и, помолчав, через минуту встали. Я за-
курил.

— Это же тебе и до конца села не хватит,— ска-
зал Ковпак.

— Я не умею крутить такие большие сигарки,
как у вас,— ответил я.

— Моей хватит верст на десять,— ответил Дед и
уселся в повозку.

Я отыскал сани коменданта и подсел к нему. Ло-
шади сразу перешли на рысь.

На конце деревни собрались ляховические жите-
ли. Сняв шапки, провожали партизан. С уходом ков-
паковцев они оставят деревню и переберутся в лес.

Партизанский караван вылетел на снежный про-
стор, деревня стала быстро уменьшаться и скоро со-
всем исчезла среди белых полей.

В ту ночь конная разведка Александра Ленкина
захватила мост на реке Случь. Спешившиеся конни-
ки двадцать минут выбивали фашистскую охрану из
дзотов, сооруженных у моста. Фашисты отступили
только тогда, когда конники обошли мост с трех сто-
рон. И вот наша колонна спокойно перешла реку
Случь.

Под вечер мы въехали в село Милевичи. На дере-
венской площади поднимался в небо высокий дере-
вянный крест.

После завтрака колонна тронулась дальше. Про-
ехали одну лесную деревню, и наконец стало на на-
шем пути большое богатое село. Оно называлось Чо-
лонец и было центром огромного партизанского края
Пинской области.

В Чолонце Ковпак пробыл два дня. Отсюда Вершигора выслал разведчиков вперед.

За границами края пинских партизан, на западе, пролежала железная дорога из Барановичей. Ее предстояло пройти.

— Если дорога прилегает к партизанскому краю, значит, она усиленно охраняется,— сказал Вершигора Бережному.— Надо хорошо изучить переезд и взять его налетом.

Бережной проинструктировал разведчиков, и те исчезли из села.

Вершигора и Бережной за эти два дня выяснили, сколько проходит поездов в сутки и в какое время, как охраняется переезд на станции Мальковичи. Именно здесь было намечено пересечь железную дорогу.

Мне показалось, что Вершигора слишком уверен в успешном выполнении этой задачи и даже не интересуется количеством врагов, охраняющих переезд, и я сказал об этом.

— Охраны больше ста человек быть не может,— ответил он.— Раз так, то на крайний случай достаточно Анисимову ударить из пушек по станции, как все разбегутся.

5 февраля ковпаковцы двинулись дальше. Колонна сделала небольшой переход и остановилась в селе Чучевичи, в двадцати километрах от станции. Ковпак как бы нацеливался на переезд. Перед выездом он спрашивал командиров батальонов:

— Секиры, пилы наготове?

— По десять пильщиков наготове,— отвечал каждый командир.

— Ломы тоже наготове?

— Тоже наготове.

Могло показаться, что Дед собирался на какие-то

хозяйственные работы. Топоры, пилы и ломы готовились для разгрома стационарного хозяйства.

Разведка Бережного и Ленкина первой приблизилась к станции Мальковичи и была встречена пулеметным огнем. Тогда разведчики рассыпались в цепь и пошли в атаку, по снегу, довольно глубокому. Противник усилил огонь, и разведчикам пришлось залечь.

Наша колонна была уже на подходе, и мы отчетливо слышали стрельбу пулеметов. Ковпак приказал остановиться.

— Это мне уже не нравится,— сказал он комиссару.— Развернуть пушки!

Анисимов развернул батарею, и она дала по станции три залпа. До колонны донеслось «ура» — это уже означало, что разведчики снова пошли в атаку. И Ковпак приказал трогаться.

В новой деревне ковпаковцы остановились на отдых.

Я записал в дневнике впечатления прошлого дня и вышел из хаты. Морозное небо над Белоруссией было черное, звезды необыкновенно крупные, и казалось, будто они низко-низко подвешены над землей. Сильно морозило.

В хате Ковпака сидело почти все руководство соединения. Рядом с Сидором Артемьевичем — гость, командир местного партизанского отряда. Обращаясь к нему, Ковпак говорил:

— Вы мне что угодно в доказательство приводите, но то, что творится в вашем партизанском отряде,— это не больше, как первоначальная стадия партизанского движения. Ушли в болота и ждете, когда к вам враг придет. Его искать надо да бить. Для партизан оборона — самая поганая тактика. Нам, партизанам, одна тактика впору — нападение.

— Но и тактика обороны у нас дает результаты, — сказал гость.

Ему наперебой возразили несколько человек.

— Неправильно, коли народ заставляют ждать удара и потом только отвечать на этот удар, — сказал, не повышая голоса, Дед. Все примолкли, слушая его. — Климент Ефремович приказал нам вести исключительно наступательную тактику. На врагов надо нападать везде, где это только возможно. Зачем сдерживать народ?

— У нас тоже есть герои, — как бы оправдываясь, сказал гость. — Но дело не в одиночках-героях.

— Правильно, — сказал Ковпак, — весь народ должен быть героем! Наш народ — герой! Он освободил себя от царя, создал для себя промышленность, переустроил сельское хозяйство. Но коммунисты никогда не отвергали роли выдающихся людей, особенно в войне. У нас были Фрунзе, Чапаев, Щорс, Пархоменко, есть Ворошилов, Буденный.

Ковпак сел, посмотрел на своего оппонента. Тот молчал.

— Коли Отечество кровью облито, тогда не время сидеть в болотах, — продолжал Ковпак. — Вы скажете, что у вас патронов мало, в пулеметах нехватка? А кто запретил вам выйти на шоссе и бить фашистов? Добывать вооружение?

Гость молчал.

— Мы начинали тоже с работы на шляхах, — продолжал Дед. — Нынче пулемет, завтра тысяча патронов, послезавтра уже пушка. Сидеть в болотах вдали от центральных вражеских коммуникаций в такой момент не только грешно, но я бы сказал... — он замолчал, видимо, подбирая выражение, — несмело. Нам не обороняться нужно, а нападать, нападать и нападать.

Ковпак взял со стола свернутую сигарку, раскурил ее и продолжал:

— Нам треба действовать так, чтобы немцы забыли, что такое ночь, что такое день. Мы, партизаны, должны твердо помнить это. Все должно быть в движении. Вы, наверное, видели моих диверсантов? — спрашивал Дед гостя. — Они вначале были как дети. Боялись фашиста, тикали от него. А как могло быть иначе? Среди наших партизан много штатских. Они не знали войны, страшились ее, уклонялись от опасности. А теперь они ежедневно совершают подвиги и не придают им никакого значения. Подвиги становятся бытом войны.

Он помолчал, прошелся по хате из угла в угол и продолжал:

— И вот, когда у меня неустойка в бою, когда наши люди лежат под огнем, я их поднимаю в атаку на врага именем партии. Они в огонь идут. А почему? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — А потому, что партия, Родина — они сами, потому, что защищают они детей, родителей, места, где они родились, великую идею, которой живет наш народ.

В избу вошел Вершигора. Он веником обмел снег с валенок, снял шапку и, подойдя к столу, начал развязывать полевую сумку. Ковпак замолчал и подошел к нему.

— Ну, что слышно? — спросил он у Вершигоры.

— Вот, читайте, — сказал Вершигора.

Ковпак достал очки, надел их, придвинул к себе лампу и начал читать. Находившиеся в комнате окружили Деда, ожидая новостей.

За эти полсутки, которые соединение стояло перед железной дорогой Пинск — Калинковичи, разведчики усиленно изучали подходы к ней, проезды и охрану.

— Это же война,— говорил Ковпак, снова и снова просматривая уже прочитанные бумаги,— океан со скалами, которые невозможно под водой разглядеть. Не удастся незаметно проскочить дорогу — что ж, будем биться. Сто сорок четыре поезда в сутки! Значит, через двадцать минут поезд туда, через двадцать минут поезд обратно. Что ж, будет бой,— заключил он.— Сколько времени наша колонна через Мальковический переезд шла? — спросил он.

— Два часа с половиной,— ответил Матющенко.

— О, будет богато поездов,— сам себе сказал Дед,— артиллерийским заслонам много работы предстоит. По домам идите,— сказал он, обращаясь к своим собеседникам.— Пусть бойцы спят, мы что-нибудь придумаем с Вершигорой. Предупредите, что на переезде будет великий бой.

Когда почти все уже разошлись, Ковпак приказал Политухе позвать санитарку Полину.

— Это какая Полина? — спросил ездовой.

— Ты что же за кавалер такой,— сердито сказал Ковпак,— лучшую дивчину нашу не знаешь. Секретарь подпольного комсомольского райкома. В городе ей нельзя было находиться — она к нам пришла и хлопцев своих привела.

Полина, маленького роста, полная девушка, была не по-зимнему легко одета. Поверх шубки накинула она белую шаль с кистями, из-под которой выглядывала сумка с красным крестом.

— Садись, Полина,— сказал Ковпак,— садись.

Санитарка села у стола.

— Политуха, закрой дверь да побудь там на кухне,— сказал Ковпак,— никого не впускай.

Ездовой вышел на кухню.

— На войне, Полина,— сказал Дед,— без риска нельзя. Кто рискует, тот находится на дороге к сча-

стью. У нас с тобой не будет личного счастья, если все войско наше не выполнит своего долга. Многие еще не ясно, что нас ждет впереди. Треба знать, что там.

Настороженно вглядываясь в лицо Ковпака, Полина машинально развязывала шаль. Концы шали распустились почти до пола.

— Мы идем под Киев потому, что верим в свои силы,— сказал он.— Хотя толком не знаем, что там. Я иду в неизвестное...

— Ой, не томите, Сидор Артемьевич,— сказала взволнованно Полина.— Я сделаю все, что вы потребуете. Говорите, что я должна сделать?

— Я знаю, что ты умная, храбрая дивчина,— сказал Ковпак.— Мне нужно, чтобы ты через один переход ушла из соединения под Фастов. С тобой будет радистка. Я должен знать, что творится вокруг Фастова, как фашисты располагаются, как работает Фастовский железнодорожный узел.

— Поняла, Сидор Артемьевич,— прервала его санитарка,— страшно, но пойду.

— От каждого из нас партия требует решимости,— сказал Ковпак.— Решимость в войске есть, все сознают свою ответственность. Ведь если мы не побьем фашистов, то они нас побьют.

Полина слушала, но по глазам ее видно было, что последние слова Ковпака уже не дошли до нее, что она мысленно перенеслась в то опасное путешествие, которое ей предстояло.

— Я пойду,— повторила она.— И комсомол подпольный организую в Фастове. Обидно мне было, когда с боевой работы перевели меня в санитарки...

— Готовься,— сказал Ковпак.— Узнай у Базимы, может быть, у нас есть кто в партизанах из Фастова, адреса возьми.

Полина ушла.

У переезда через железную дорогу шел бой. Стрельба уже утихала.

Я бегом догонял «голову» колонны. Но, добежав до саней, груженных взрывчаткой, невольно убавил шаг. На санях угрюмо сидел пожилой партизан и курил. Поперек саней лежала женщина, и при свете луны можно было разглядеть ее раскинутые руки и белую шаль, кисти которой волочились по снегу. Не сразу сообразил, что женщина мертва.

На санях лежала Полина. Здесь же была ее санитарная сумка. На буграх у железнодорожного переезда эту девушку, наверное, еще ждали раненые.

Обойдя сани, я поравнялся с возницей и, прикурив у его сигарки, сел с ним рядом.

Мы ехали молча. Он докурил, отбросил окурок и, не поднимая головы, сказал:

— Смерть как боюсь покойников.

— Ну что ты! Живых надо бояться.

— Не в этом дело, что покойник может вред нанести,— сказал он, по-прежнему не поднимая головы.— Я их просто так, как покойников боюсь.

— Как же ее убили? — спросил я.

— Долго ли до греха. Цвиркнула пуля и убила,— ответил он.— Может, и шальная угодила.

Я обернулся назад. За нами ехало множество подвод. В стороне за перелеском лаяли собаки.

Уже под утро въехали мы в деревню, где должны были расположиться на дневку.

Ковпак, опустив голову, шел по улице. Это была его манера. Он словно видел что-то на снегу, словно читал какую-то книгу.

— Заводите сани во дворы! — изредка покрикивал он.— После боя фашистские самолеты искать нас будут.

Люди заводили лошадей и сани во дворы. Сани укрывались соломой, хворостом. Все маскировалось.

— Запретить хождение по деревне,— сказал Ковпак проходившему мимо коменданту штаба.

— Слушаюсь,— сказал комендант и послал в оба конца бойцов.

Около большой избы стояли сани, на которых лежала Полина. Ковпак подошел к саням и, наклонясь, посмотрел ей в лицо.

— Как же это тебя, дивчина, не вовремя убило? — проговорил он, сняв шапку. Поправил шаль на голове Полины, обмахнул иней с ее волос и пошел в избу.

У окна на лавке сидел Руднев. Он задумчиво смотрел в окно.

— Надо хорошо похоронить ее,— сказал Руднев.— Комсомолку какую потеряли!

— Война, Семен Васильевич,— сказал Ковпак.

В избу вошел комендант.

— Полину похоронить на видном месте,— строго сказал Ковпак,— и огородить могилу.

Полину хоронили у церкви. Партизаны бросили по горсти земли в могилу, и, когда гроб был засыпан и мерзлые комья земли образовали бугорок, комендантский взвод дал три залпа. К полудню вокруг могилы плотники соорудили ограду.

Тридцатый день партизаны Ковпака находились в рейде. Соединение пересекло за это время железную дорогу Пинск — Лунинец, границу Белоруссии и Украины, и двигалось с севера на юг вдоль железной дороги Лунинец — Сарны.

В Степаньгруде, большом украинском селе, дневали двое суток. 12 февраля в Степаньгруде никто

не спал. Командиры рот искали плотников для починки саней. Ковпак обходил батальоны, он появлялся в хатах и проверял, как отдыхают бойцы, в каком состоянии оружие, как кормятся лошади, хороши ли сани, надежно ли упакованы взрывчатка и боеприпасы.

Командиры да и все партизаны хорошо знали, что Дед, пройдя каждые двести километров, производит подобный «тихий смотр». Еще задолго до Степаньгтуда командиры батальонов начинали подсчитывать пройденные километры и готовиться к «смотру».

Казалось, в батальонах дело обстояло благополучно. Но Дед после «смотра» вернулся в свою хату злым. Ничего не сказав, он снял шапку, бросил ее в красный угол на лавку, снял шубу и, не повесив, как всегда, кинул на табуретку.

Руднев посмотрел на него.

— Не видя серьезного противника, успокоились. Много непорядку. Политуха, — позвал он, — Политуха, собери командиров!

Ковпак с Рудневым сидели у стола и вполголоса говорили о недостатках, обнаруженных во время утреннего обхода.

В избу один за другим входили командиры батальонов и рот.

Ковпак курил и пристально осматривал входящих. Больше других привлек его внимание командир десятой роты Курочкин. На нем была короткая меховая куртка, на голове его лихо заломлена чапаевская мохнатая папаха. На шее висел автомат. Рассмотрев Курочкина, Дед покачал головой и строго сказал:

— Несерьезно одет, и в роте дела несерьезные у тебя. Сними автомат, здесь стрелять не в кого. В тебе много фанаберии...

Когда все были в сборе, Ковпак встал.

— Командиры и политруки,— сказал он,— хотя сани и лошадей я нашел в порядке, но мы не дойдем до цели. Некоторые из вас выпивают, а за вами начинают выпивать и бойцы. Неужели вы не понимаете, к чему это приведет?

Все молчали, опустив глаза в пол.

— В восьмой роте,— продолжал Ковпак,— очевидно забыли, что мы находимся на оккупированной территории. В десятой роте решили, что гитлеровцев кругом нет, сиделки устраивают. Этот,— указал он на Курочкина,— сам пример подает.

Курочкин сидел, не глядя на Ковпака. Он расстегнул куртку и заворочался на лавке.

— Разведка,— повысил голос Дед,— дерется каждый день. Это хорошо. Но частенько я стал замечать и среди разведчиков подвыпивших. Красиво? А вот Курочкин показывает себя еще красивее. Я послал к нему дежурного, так выпивший политрук, не разобрав, в чем дело, встретил его нагайкой. Дежурный, конечно, сплоховал. Он интеллигент, инженер, и не дал сдачи. Но я доберусь до вас,— сказал он, сердито взглянув в ту сторону, где сидел Курочкин.— Я вам с политруком обоим такую лупку дам, аж небу жарко будет. Расстреливать буду! — закричал Дед.— Сам стрелять в подлецов буду! Мне бандитов не нужно. У кого кружится голова, пусть уходит. На нас Украина смотрит, многого ждет от нас.

Курочкин стыдился поднять голову. Вершигора тоже покраснел, ему было неприятно, что Дед так нелестно отозвался о его разведчиках.

Руднев посмотрел на Деда, затем на командиров и сказал:

— Вы, наверное, забыли, что в советском тылу для победы народ по восемнадцать часов за станками

стоит. С последними самолетами вы получили с Большой земли от родных письма. Они вам писали об этом. Как же это так получается?

Когда комиссар кончил говорить, поднялся Курочкин и попросил слова.

— У нас...— сказал было он.

— Замолчи! — закричал Ковпак, вскочив с лавки. Он достал из кармана пистолет.— Вот оружие твоего политрука. Он потерял его в «бою» с дежурным по соединению. И говорить больше не о чем.

— Еще не забудьте,— уже тихо сказал он.— Сани смените на телеги. Попросите у крестьян по всем деревням. Телеги не коровы и овцы, не поросята и куры. Приказ двести тут не будет действовать.

Командиры встали и разошлись. Политуха взял веник и начал подметать хату.

— Теперь надо глядеть в оба, Семен Васильевич,— сказал Ковпак Рудневу.— Не нравятся мне районы, которые будем проходить, не нравятся.

Следующим вечером ковпаковцы тронулись снова в путь к далекой цели. Отдохнувшие лошади рысью бежали перелесками.

Ночью колонна двигалась без остановок. Весь ход стремительного марша говорил о том, что разведчики Вершигоры хорошо разведали местность на добрую сотню километров, а Базима с Войцеховичем проложили маршрут, исключаящий встречу с противником.

Сколько уже пройдено сотен километров, а мне не пришлось еще ни разу записать какой-нибудь большой бой или крупную диверсию. Что же это за цель у Ковпака, к которой он ведет свои батальоны тихо, без боев, без встреч с немцами?

Из отрывочных разговоров, которые можно было слышать в штабе Ковпака и которые так хорошо си-

стематизировались в темноте в грохочущей тачанке, яснее и яснее выделось и назначение соединения, и его цели. Мелкими делами это соединение не занималось. Оно делало большое политическое дело — окрыляло временно оккупированный врагом народ, придавало ему веру и силу, народ поднимался на борьбу с фашистами.

За время этого пути от озера Червоного сюда через Полесье в Житомирскую область ковпаковцы организовали и оставили больше десяти новых партизанских отрядов. Организовать отряды особого труда не составляло. Но снабдить оружием, да еще в достаточном количестве, вновь организованные отряды — дело сложное. И сколько же Сидор Артемьевич раздал трофейного оружия?! Снаряжал новые отряды Ковпак не только винтовками, автоматами, но и ручными пулеметами. Единственное, что он не дарил ни одному отряду, — это станковые пулеметы, пушки и лошадей.

Это одна сторона в значении необыкновенного рейда. А боевая сторона? Почему же нет боев, а только марши и марши?!

Если внимательно вслушиваться в задания разведчикам, которые дает Вершигора, всмотреться в штабную карту, то можно увидеть и цель, к которой с короткими остановками летит соединение. На штабной карте очерчены мосты на реках и автомобильных дорогах под Киевом, а на притоке Днепра, Припяти, обозначены пароходы. И постепенно становится ясным — соединение батальонов Ковпака с железной организацией и жесточайшей дисциплиной — не что иное, как гигантская живая диверсионная машина, срабатывающая на всю Красную Армию.

В первых лучах солнца на горизонте показалось большое село. Я находился посередине колонны,

которая огромной черной лентой выделялась среди снежных полей. Было видно, как поднималась на бугор конница. Длинный хвост войска полз медленно. В колонне не слышалось разговоров. Одни шли молча, другие спали на телегах. От всей колонны веяло спокойствием и силой.

Приняв под утро рапорты от разведки, Вершигора спал, уткнувшись лицом в мой меховой воротник. Автомат его лежал под ногами, два диска, набитые патронами, от толчков подпрыгивали на дне тачанки, из развязанного мешка, который лежал под сиденьем ездового Коженкова, вывалились немецкие солдатские книжки, дневники и письма.

Начальник разведки спал. Коженков раза два обернулся к нам, потом слез, достал из-под сиденья две торбы овса, заложил их за спину своего начальника, чтоб тот не валился, и снова уселся на свое место.

За тачанкой начальника разведки шла рота автоматчиков. Впереди шагал командир роты Карпенко. Никто из ковпаковцев ни разу не видел его на лошади. Он и его автоматчики во время марша не садились на телеги, в роте держали лошадей только для того, чтобы возить на них боеприпасы и немудреное имущество бойцов.

Как-то Карпенко рассказал о том, почему не ездит верхом:

— Семен Васильевич Руднев опасается встречного боя. Колонна на марше растягивается, и, если нарвемся на крупного противника, будет много крови. Руднев еще на Днепре высказал это мне и попросил, чтобы мы ежеминутно были готовы к бою на марше. Ну, а автоматчики — первая сила у Деда.

Находясь в середине колонны и почти не чувствуя ее движения, я смотрел на приближающееся село.

Казалось, оно спускалось с бугра к нам, а не мы двигались к нему. Вот уже тачанка проехала мимо первых хат. Вершигора вдруг заворочался и поднялся. У него была удивительная способность просыпаться в нужный момент.

— В любую хату в центре заезжай,— сказал он ездovому.

В центре села стоял большой белый дом, передняя стена которого была заклеена фашистскими плакатами. Ординарцы Ковпака срывали их.

Изба была пустая.

Вершигора внимательно посмотрел на стены, разгладив свою бороду, сказал:

— Гитлеровцев здесь не было. Тут что-то произошло, но фашистов не было.

— В селе нет жителей,— сказал Коженков.— Наверно, фашисты угнали.

— Скажи хлопцам,— обратился к нему Вершигора,— чтобы покушать принесли.

Коженков ушел.

— А фашистов тут ни вчера, ни ночью не было,— опять сказал он.

К полудню на улице начали появляться люди. В хату, которую занял П. П. Вершигора, робко вошла пожилая женщина. Она сказала дрожащим голосом:

— Здравствуйте,— и, не дожидаясь ответного приветствия, зарыдав, со стоном сказала: — Боже ж мий, коли це кончиться?!

— Что кончиться? — спросил Вершигора.

— Ця заячья жизнь,— ответила женщина.— Ночь приходит — не спишь, день приходит — глядишь на шляхи, не идут ли...

— Это вы про кого? — спросил Вершигора.

— А про кого же, як не про супостатов,— сказала она.— Кто же знал, что по степу бродит така наша

сила? Як завидели, шо идет к деревне силища, так и сховались. Фашиста боимся, як страшно.

— Нынче не придет фашист,— сказал Вершигора.

Хозяйка не слушала его. Она смотрела в окно и, видимо чем-то пораженная, точно остолбенела. Потом она быстро поправила платок на голове и стремглав выбежала на улицу. Я выглянул в окно. По улице медленно шло ковпаковское стадо. Коровы иногда останавливались и глядели на хаты, на ворота, точно припоминая: не их ли это двор? Постояв и убедившись, что обознались, они медленно шли дальше. Женщины выбегали из дворов.

Хозяйка вернулась домой в слезах.

— Что ты плачешь? — спросил ее Вершигора.

— Как не плакать? Словно на свою поглядела,— сказала она.

— На кого, на свою? — спросил ее Вершигора.

— На корову свою,— сказала она.— Проклятый Гитлер всех коров забрал и нашу увел.

Разослав разведку по дальнейшему маршруту и доложив Деду и Рудневу об обстановке, Вершигора вернулся домой. Хозяйка нагрела воды, и мы вымыли головы. К вечеру она успокоилась. Прибрала хату. За ужином разговор зашел о том, как хозяйничали враги в селе.

Вошел Ковпак.

— Позови-ка, хозяйка, кого-нибудь из вашего сельского начальства.

— Староста сбежал. Разве старый счетовод?

— Очень хорошо, давай его сюда,— сказал Сидор Артемьевич.

Хозяйка вышла из хаты и минут через двадцать вернулась в сопровождении хромого мужчины. Он вошел, снял шапку и, опираясь на палку, поздоровался.

— Счетовод колхоза Данила Нечипоренко, инвалид прошлой войны,— сказал он по-солдатски.

— Садись, Нечипоренко.

Тот сел и робко смотрел на нас, еще не зная, зачем он потребовался партизанам. Потом, видимо, думая, что догадался, зачем его позвали, сказал:

— Можно и овса достать, и гречки. Мы кое-что припрятали на семена. Ну, а если для партизан, можем все выдать.

— Нет, не надо,— сказал Ковпак,— мы у народа не берем, у фашистов на складах много.

— Дельно,— одобрил счетовод.

— Мы позвали вас вот зачем,— сказал Ковпак.— Вы счетовод, и нам на бумаге покажите, что делают фашисты с Украиной.

— За всю Украину не могу показать,— сказал, помолчав, счетовод,— а за наш колхоз можно.

Однажды через село проходили фашистские солдаты, они увели 24 коровы, отняли у селян 31 полушубок, 3 пары валенок, 5 пар кожаных сапог, 50 пар варежек, 12 шапок и 3 фуфайки.

Весна пришла поздно. Пахать в колхозе начали в середине апреля, тогда как раньше начинали в конце марта. Правление колхоза, присмотревшись к гитлеровским бумажкам, поняло, что они в точности не знают, сколько у колхоза земли. Поэтому с земли, засеянной сверх плана, урожай врагу взять не удастся, и народ будет с хлебом.

На поле выехали лошади и волы. Было засеяно 100 гектаров овса (немецкий план требовал посев 50 гектаров), гречихи вместо 120 гектаров по немецкому плану посеяли 160 гектаров. Озимых было засеяно на 30 гектаров больше.

Когда был обмолочен урожай 1942 года, фашисты прислали план сдачи хлеба. Надлежало вывезти

в районный центр 920 центнеров хлеба. Селяне вывезли 180 центнеров ржи, 36 пшеницы, 34 овса. После обмолота крестьяне спрятали по 109 килограммов хлеба на человека и две тысячи пудов овса.

Трижды приезжали фашисты в село. Они искали хлеб, но не находили его. Крестьяне жаловались на плохой урожай. Тогда гитлеровцы начали забирать у колхозников коров и кур. Селяне ответили тем, что стали резать своих коров, поросят и кур.

Все чаще и чаще в село приходили бумажки с требованием выдать то пять — семь коров, то две-три овцы, то два-три поросенка. Постепенно фермы начали пустеть. Перед приходом Ковпака на молочной ферме осталось две коровы, на свиноферме семь поросят и только на овцеферме около шестидесяти овец.

— Я отдал селянам приказ резать всех овец для партизан, — сказал счетовод. — Фашисты все равно dokonчат овцеферму. Однажды, — продолжал Нечипоренко, — из района приехали два жандарма, собрали народ и объявили, что гитлеровские власти требуют восемьдесят молодых селян на работу в Германию. Жандармы тут же набрали восемьдесят девушек и увели. Девушки по дороге в район стащили жандармов с лошадей, избили их и разбежались. Четыре раза фашисты после этого забирали народ для отправки в Германию.

Школу, в которой до войны обучалось двести учеников, пришлось закрыть, гитлеровцы запретили учить детей.

Фронт ушел далеко на восток. Гитлеровцы завели постоянную администрацию. Был разослан приказ о налоге. Каждый селянин должен платить сто рублей подушного налога, шестьдесят рублей больничного сбора, сорок рублей страхового сбора и сто пятьдесят рублей за собаку.

— Я при нашей власти платила, — сказала хозяйка, не выдержав, чтобы не поделиться горькими мыслями, — налогу тридцать пять рублей, а вот как пришли фашисты, то требуют денег пятьсот рублей, шестьсот литров молока, семьдесят восемь кило мяса, сто семьдесят яиц. При нашей власти я получала в колхозе с мужем хлеба семьсот пятьдесят кило, картошки сто двадцать пять пудов, денег триста пятьдесят рублей. Держала два хряка, семь качек (уток), корову и десять кур. А теперь ничего нема, пуста хата. Скоро совсем будет пусто.

— Ну, счетовод, спасибо, — сказал Ковпак. — Показал ты нам гитлеровцев.

Счетовод смотрел не мигая на странного старика, бородатого партизанского начальника. Коженков безмолвно стоял у двери.

После того как Ковпак взорвал мосты на Сарнеком железнодорожном узле, гитлеровское командование приняло решение покончить с дерзким партизанским соединением. Карательные экспедиции пытались это сделать еще в Полесье. Но фашисты не знали, сколько у Ковпака людей и каким оружием он располагает. Они посылали против партизан карательные экспедиции по четыреста — восемьсот человек. И каждый раз ковпаковцы разбивали их. И вот теперь тучи сгущались.

Ковпаковцы шли по границе лесной и степной полосы между Новоград-Волынском с запада, Коропцем — с севера, Житомиром — с юга, Фастовом и Киевом — с востока. Пленные рассказывали, что командование группы вражеских войск, выделенных специально для борьбы с Ковпаком, якобы знало на-

правление нашего движения и дожидалось, когда мы выйдем из лесов в степь.

В Житомире разведчики установили, что гитлеровское командование задержало эшелон своих гранадеров, ехавших на фронт. Таким образом на юге образовался заслон. Радиостанция разведки приняла из-под Новоград-Волынска шифровку о том, что фашисты готовят удар с тыла. И наконец, «языки», выхваченные из вражеской автоколонны, рассказывали, что в Коростене сосредоточивается полк мотопехоты, которому надлежало, закрывая степное плато с северной стороны, теснить Ковпака на юг. Север, юг и запад были ясны для Деда и Руднева. Неясен был восток — Фастов и Киев.

Ковпаку требовалось хоть на двенадцать часов задержать напор гитлеровцев с севера, чтобы получить возможность сделать шестидесятикилометровый бросок в район реки Тетерев, в леса под Киев.

Выиграть время Ковпак мог, только применив какую-то умную диверсию. Предполагалось взорвать мост под Коростенем и, этим задержав фашистов часов на восемь, сделать усиленный бросок на восток, а со стороны Житомира закрыться заслоном. Все было подготовлено. Командир 9-й роты Мурзин получил задание взорвать мост под Коростенем. Ковпак спросил его, уверен ли он в успехе и продумал ли все мелочи. Мурзин заверил Деда, что все будет сделано.

— Смотри,— предупредил его Ковпак.— Мы простили тебе несколько невыполненных заданий. Сейчас соединению грозит опасность. Если не сдержишь слово, пеняй на себя.

Мурзин увел роту под Коростень. Приближался рассвет. Ковпак спрашивал каждого, кто подходил к его тачанке, не слышал ли он взрыва на севере. На железной дороге Коростень — Житомир, которую в

ночь переходили ковпаковские партизаны, слышна была только ураганная стрельба. Взрыва не было.

Из-за горы поднялось багровое солнце.

— Не выполнил задания, сучий сын! — подытожил Ковпак. — Не взорвал мост.

Руднев молчал.

И Ковпак тут же изменил маршрут движения. Если рота Мурзина разбита, враг мог узнать маршрут партизанского соединения и подготовиться к атаке. И вместо того, чтобы идти на юго-восток, к Фастовскому железнодорожному узлу, Ковпак повернул колонну на восток. Связные бросились во все подразделения с приказом идти к деревням Яновка и Межеричка на реке Тетерев. Нужно было уходить, и как можно быстрее. Через полчаса после того, как был изменен маршрут, Дед приказал идти при солнечном свете. Все поняли, что обстановка изменилась к худшему.

Мурзин, как оказалось, пьянствовал всю ночь в деревне, недалеко от моста. Было уже светло. Из Коростеня пошли поезда. Время было упущено.

И вот рота Мурзина вернулась. Встреча Ковпака с Мурзиным произошла на берегу речки, через которую вброд переправлялась колонна. Как только люди выходили на берег, их одежда на морозе покрывалась льдом.

Протрезвевший Мурзин предстал перед Дедом.

— Я не выполнил задания, — понуро сказал он.

Ковпак сдвинул шапку на затылок и пристально посмотрел на Мурзина.

— Немного времени не хватило, — соврал Мурзин.

— Так, — сказал Ковпак. — Подойди ко мне. Так. Дыхни на меня.

Мурзин дыхнул. Ковпак поморщился и повернулся к комиссару.

— Судить мерзавца! — крикнул он.

Пока шла переправа, Руднев, собрав роту, расследовал причины невыполнения задания. Когда он закончил следствие, то прежде всего приказал забрать из роты Мурзина всех лошадей.

Потом он подошел к Деду, сидевшему на тачанке, и коротко сказал:

— Расстрелять шарлатана!

Дед достал из-за голенища валеного сапога карту и развернул ее.

— Из Кростеня, — говорил он, — гитлеровцы тронулись. Из Житомира тоже выступили. Расстрелять!

Руднев пришел в роту Мурзина. Бойцы сидели на поваленной бурей сосне. Завидев комиссара, они поднялись. Мурзин сидел.

— Встать! — закричал комиссар.

Мурзин встал.

— Предателей и изменников, — сказал Руднев, — мы караем смертью. Командование вынесло тебе приговор.

Руднев повернулся к ординарцам и, указав на Мурзина, сказал: — Расстрелять!

Те подошли к приговоренному, расстегнули на нем шинель, потом повернулись к Рудневу.

— Не можем, товарищ комиссар. У него орден и медаль.

Руднев подошел к Мурзину, заставил его снять орден и медаль и, вынув пистолет, выстрелил в Мурзина. Тот, как глядел в землю, так и упал в снег лицом.

— Закопать, как собаку! — сказал Руднев.

Стоявшие кругом бойцы роты Мурзина задвигались. Откуда-то появились лопаты.

Вскоре вся колонна была на том берегу.

Разыскивая Базиму, я нагнал тачанку Ковпака.

Дед сидел, уставив взгляд на широкую спину своего ездового. Плеть, как всегда, спускалась из откинутого рукава его шубы. Рысаки прядали ушами, и Политуха, сидя на передке тачанки, изредка поглядывал по сторонам.

— Сидор Артемьевич! — обратился я к Ковпаку.

Ковпак поднял голову, и я увидел грустные его глаза. Он опустил голову. Я шел рядом с тачанкой, не зная, то ли идти вперед, то ли оставаться с ним. Дед снова поднял голову, вытер слезы рукавом шубы и, посмотрев так, словно просил извинения, сказал:

— Мурзин испортился, подлец, успех голову вскружил. Ты что же пешком? Садись ко мне.

Я сел в тачанку. Ковпак молчал часа два.

— Орден-то сняли перед расстрелом? — спросил он вдруг и, услышав мой ответ, опять замолчал.

Колонна двигалась медленно. Черная извилистая лента повозок, пушек, людей растянулась по степи, насколько видел глаз. Рысаки Деда, опустив головы, мерно шли в колонне.

— Да, — сказал Дед, как бы очнувшись от полудремотного состояния, и с беспокойством взглянул на восток, — придется многое теперь изменить.

— Что? — спросил я.

— Выбор объекта для диверсии, — ответил он и крикнул, обернувшись: — Позовите Семена Васильевича и Петра Петровича!

Ординарцы бросились выполнять приказание.

Вскоре Руднев и Вершигора подошли к тачанке.

— Садитесь, — пригласил Дед.

Комиссар и заместитель по разведке подсели на тачанку Деда. Ковпак облизнул пересохшие губы,

пепельно-синие — может быть, от волнения, а может, от солнца, бившего ему прямо в лицо.

— Видно, мы плохо знаем свой народ, — сказал Дед. — Вот не тому доверили и просчитались.

— Война слагается из удач и неудач, — заметил Руднев.

— Мне думается, что сейчас же, — продолжал Дед, — надо вести подготовку к диверсиям на Днепре или Припяти.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Руднев.

— А то, — ответил Ковпак, — что именно с марша сейчас надо посылать разведку на северо-восток, на Припять. Разведчики проскочат железку Коростень — Киев, а там леса есть, обживутся и нехай стучат нам о пароходах.

Комиссар молчал. Он не спал ночь, долго и напряженно глядел на желто-зеленый квадрат карты. Потом произнес, подняв глаза:

— На войне не быть романтиком — предприятие безопасное, но чертовски скучное. Вы правы, Сидор Артемьевич: надо посылать разведку на Припять. У нас мало толу, но зато много снарядов, пушкам тоже надо поработать. Пароходы — вещь завидная.

— Разгром четвертой хотя бы или восьмой части флота на Припяти или Днепре прекратит вражеское судоходство, — сказал Ковпак и показал на карту. — Вот посмотрите, мы идем в очень удобной обстановке. Враг, потрясенный поражением на фронте, стал еще более бояться партизан. Он ушел из сел и деревень Правобережья и засел в райцентры. Сейчас внезапное появление партизан создает больше паники в рядах врага, чем те длительные бои, которые мы вели, когда гитлеровцы шли в наступление на фронтах и были морально устойчивы.

— Кого посылать будем? — спросил Вершигора. —
Надо опытных бойцов, — сказал он в раздумье. —
Флот флотом, но наши подразделения где-то после
этого рейда будут отдыхать, принимать самолеты с
Большой земли, отправлять в Москву раненых. Раз-
ведке придется и это все подготовить.

— Согласен, — сказал Ковпак. — Кого думаешь
послать?

— По-моему, старшим надо послать Ласточки-
на, — посоветовал Вершигора, — радисткой Надю
Гайду, а четырех партизан подберу в «чертовой дю-
жине».

— Пришли их ко мне, и быстро, — приказал
Дед. — А то им от колонны отрываться пора.

Через четверть часа около тачанки Ковпака шла
маленькая девушка с чемоданчиком, а рядом с ней
шагали пять рослых парней. У них за плечами были
автоматы и два ручных пулемета, у каждого запас-
ные диски. Возле самой тачанки шел Ласточкин-
Орляткин.

В ковпаковском соединении каждый молодой че-
ловек считал за честь получить задание от самого
Деда. И Ласточкин, идя рядом с колесом тачанки и
слушая Деда, был горд и счастлив.

Ласточкин был известен как храбрый и опытный
разведчик. Он умел с юмором рассказывать о пере-
житых боях, и одно это уже несомненно говорило о
мужественном его характере.

Левая лошадь споткнулась, и Политуха выругал-
ся. Ласточкин покраснел. Видно, грубые слова ездо-
вого омрачили его радостное настроение. Он не вы-
носил непристойностей.

— Понял, что Борода тебе сказал? — спросил его
Ковпак.

— Так точно, — отрапортовал Ласточкин.

— Не торопись,— предупредил Дед.— Поспешность нужна только при ловле блох. А нам куда спешить?

И он опять, не торопясь, разъяснял идущим рядом с тачанкой разведчикам предстоящую им трудную задачу. Те почтительно молчали.

— У меня смотрите Надежду Митрофановну не обижайте,— сказал Ковпак, улыбнувшись маленькой радистке.— А то нагаек заработаете.

Хлопцы засмеялись.

— Ну, а ты,— обратился он к Ласточкину,— оправдай мне свою вторую фамилию Орляткина. Тебе ее войско дало. послужи ему.

Ласточкин молча держался за тачанку.

— Баек приготавливай побольше,— сказал Ковпак,— чтоб мне библиотека была полная,— улыбнулся он.

— Слушаюсь,— покраснев, ответил Ласточкин.— Где отрываться-то, товарищ командир?

— А вот из деревни и пойдете,— указал Дед на открывшиеся хаты.

— Заезжай во дворы,— передали по колонне команду Деда.— Коням дать отдых!

Улицы быстро опустели.

Партизаны, как только распрягли лошадей, тут же уснули на лавках, на полу, на телегах.

Ковпак ходил по деревне, заглядывал во дворы. То ли состояние батальонов интересовало его, то ли не мог в одиночестве сидеть он после переживаний сегодняшней ночи.

Вершигора сидел в доме, где поместилась разведка. Старшина Зяблицкий дремал у окна. Кто-то громко хлопнул дверью, и он встряхнулся:

— Наверное, уже километра три прошли...

— Это ты о ком? — спросил его Ленкин.

— О Ласточке нашей,— ответил старшина.— Обидно, не уважил я его. Просил он вчера у меня фотоаппарат, а я не дал. Горюю. Теперь хоть с досады выбрасывай.

Все промолчали. И он заснул со своими горькими мыслями.

В хату вошел Ковпак.

— Уже спят,— сказал он,— добре. Как пошли наши ласточки?

— Хорошо пошли,— ответил Вершигора.— Ручные пулеметы дал им да по три диска к автоматам. Ну, харч еще.

— Добре,— сказал Ковпак и вышел из хаты.

— Почему он не спит? — спросил я Вершигору.

Вершигора посмотрел в окно. Дед шел по улице с палкой, посматривая то на небо, то заглядывая во дворы, точно он что-то потерял и теперь отыскивал.

— Мне кажется,— сказал Вершигора,— что Дед непрестанно думает о судьбе Украины. И еще ему, наверное, приятно оглядеть свое большое хозяйство.

Вершигора снова посмотрел в окно.

— Может быть, он в эту минуту,— сказал Вершигора,— наслаждается сознанием нашей силы и своей уверенности в ней. Если хочешь дать ему оценку, учти, что гитлеровцы обещали за него слиток золота весом с его голову.

...Начался март. На полях стоял снег. Казалось, в мире нет никакой войны.

Ковпаковские партизаны, как бы тяжело им ни приходилось, никогда не теряли оптимизма и чувства юмора. Унылые и подавленные люди не смогли бы по-настоящему вести такую борьбу с вооруженным до зубов противником.

Среди ковпаковцев был разный народ. На лесных бивуаках, бывало, неожиданно устраивались концер-

ты, и тут же находились акробаты, танцоры, бала-лаечники и баянисты. И поляны в лесах тогда походили на необычные массовки людей, разношерстно одетых и вооруженных оружием всех стран Европы.

— Не все воевать, — говаривал Ковпак, — и жить еще надо, людям кроме боев и повеселиться требуется.

Кавалеристы ковпаковского соединения часто устраивали состязания. Неизменными судьями состязаний были Ленкин и Тутученко.

В свободное от разведок время где-нибудь на лесной опушке, пустив на пастбище нерасседланных коней, кавалеристы собирались в круг.

— Ну, выходи на свободную борьбу! — командовал Семен Павлович Тутученко.

Из толпы конников выходило до десятка людей. Они метали жребий очередности и начинали бороться. Командиры зорко следили за ходом борьбы, приостанавливали ее иногда, когда кто-нибудь применял недозволенные приемы или уловки, и под одобряющие крики борьба продолжалась.

Не было случая, чтобы победители остались непоощренными. Судьи соревнований Ленкин и Тутученко торжественно вручали награды. Это был самый веселый момент в состязаниях: награды оказывались иногда настолько неожиданными, что поляна взрывалась от хохота. Вызывался победитель номер один.

— За силу и расторопность, за умножение спортивных достижений нашей славной кавалерии, — строго и торжественно объявлял Ленкин, — героический боец награждается трофейными кожаными сапогами...

Конники аплодировали, а победитель с удовольствием рассматривал новенькие, блестящие на солнце, нестопантные сапоги.

Вторым призом после кожаных сапог или нового седла шли трофейные пистолеты, клинки, снайперские винтовки или часы. И всегда занявшему последнее место в борьбе вручался портсигар без сигарет.

— А сигареты бери в бою,— говорил строгим тоном Тутученко.— Рекомендую охотиться за вражескими офицерами. По своему опыту знаю — у них в запасе всегда бывает хорошее курево.

Казалось бы, зачем партизанам волейбольная сетка — ведь они почти непрерывно ведут бои? Но были и дни отдыха.

Передышка между сражениями. Ковпаковцы остановились на отдых. Велико было мое удивление, когда я, находясь у артиллеристов, услышал:

— Сетку, сетку давайте и мяч!

В обоз бросилось несколько парней. Они подняли брезент, под которым на снарядах лежал мешок. Артиллеристы сняли его со снарядов, развязали и вынули волейбольную сетку и настоящий волейбольный мяч.

— Откуда взялась волейбольная сетка? — любопытствовал я. Оказалось, сетка и мяч были такими же боевыми трофеями, как пулеметы, автоматы и лошади, взятые в боях.

Разгромили хлопцы одну вражескую комендатуру, собрали трофеи, погрузили их на телеги. Ковпак увидел новенькую натянутую волейбольную сетку и ахнул. «Нет,— говорит,— такой трофей нельзя упускать, в дороге и веревочка пригодится. Может быть, найдутся и у нас игроки в соединении». Кто-то и мяч нашел, ну, а насосов было много с трофейных немецких мотоциклов.

Не забывались ковпаковскими спортсменами и велосипед, и кони, и даже лодки.

Конный спорт, своеобразный и непохожий на кон-

ный спорт мирного времени, был, естественно, любимым у кавалеристов и в конной разведке. Устраивала партизанская молодежь и скачки, но подальше от глаз Ковпака — не любил Сидор Артемьевич, когда гоняли лошадей, он берег их и жалел.

Ковпаковцы часто устраивали засады на шоссе-ных дорогах. Они били автомашины, конные обозы, а то и просто подразделения врага, двигавшиеся пешком. Самым желанным трофеем в этих засадах были велосипеды. На них обычно и приезжали бойцы после сражения в расположение своего соединения, на них привозили трофейное оружие и снаряжение. Потом эти велосипеды никогда не служили ковпаковцам как средство быстрого передвижения — партизаны больше любили ходить пешком или ездить на конях. Эти способы передвижения для партизан наиболее надежные и безопасные.

Велосипеды на отдыхе использовались для соревнований, и, как у конников, тоже своеобразных. Самым большим мастером виртуозной езды на велосипеде был среди ковпаковцев выходец из Брянской области рядовой партизан Володя Новиков. Володя всегда выступал на соревнованиях велосипедистов самым последним. Заехав на какую-нибудь горку, разогнавшись с нее, он вставал на седло и под аплодисменты собратьев по оружию проезжал всю улицу. Потом кто-нибудь брался перецеголять Володю, тоже пытался ехать стоя на седле, но не удерживался и кувырком летел вместе с велосипедом. Улица взрывалась хохотом.

Была популярна у ковпаковцев выездка лошадей. Это было не только красиво, но и очень нужно. Если партизан хорошо натренировал лошадь, то она не закапризничает и в критическую минуту не подведет.

Ковпаковцы иногда говорили, что у них в соеди-

нении есть все, и даже цирк. Действительно, зрители, видя, как лошади выполняют разные команды своих наездников, часто забывали о том, что все это происходит в тылу грозного врага. Одно из таких спортивных представлений состоялось тогда в селе Краевщина, Житомирской области. Окружив село секретами и разослав по окрестностям разведку, партизаны остановились на отдых после трудного перехода.

Солнечным утром собралось на околице много ковпаковцев. Пришел и Ковпак. Зрители сели на бревна, и начался показ выучки лошадей. Первое место занял Володя Новиков и его Булат. Лошадь беспрекословно выполнила все Володины команды и в заключение прошла на задних ногах мимо сидящих ковпаковцев.

...Проходят годы, но и сегодня уже седые партизаны с улыбкой вспоминают то веселое, что им пришлось пережить в годы невероятных трудностей. Партизанское соединение Ковпака в подавляющем большинстве своем состояло из молодежи. В соединении была большая комсомольская организация. И естественно, молодежь тянулась к книгам. Книги доставать было трудно. Но доставали. И уважаемым человеком среди партизан был разведчик Николай Гапоненко, сам себе присвоивший «чин» партизанского библиотекаря.

Однажды после четырехчасового боя за село Большой Стыдень на Ровенщине батальоны ворвались на его окраину. Гитлеровцы подожгли несколько домов и отошли. К горевшей школе сбежались ребятишки. Они нагребали снег, а партизаны кидали его в огонь. Школу отстояли, хотя сгорела крыша и кое-где обуглились стены.

Забравшиеся внутрь девчонки и мальчишки выбрасывали книги в разбитые окна. Николай крикнул

ребятам, чтобы книги не кидали, а подавали бы в окно и складывали их на бревнах.

Когда все книги были вынесены, Гапоненко поставил к ним часовым разведчика Леню Слесарева. Стало темнеть, а тот все стоял на посту. Лишь поздно вечером пришел Николай с учительницей и ребяташками к школе.

— Ребята, осторожно перенесите книги,— сказал Гапоненко,— и спрячьте так, чтобы вы одни знали и Надежда Петровна.

В дом, который заняла разведка, набились партизаны. Петр Петрович Вершигора сидел у плошки, в которой горели сальные фитили, и рассматривал карту. Командиры групп, получив задание, исчезали за дверью. Когда остались только Гапоненко и Слесарев, Вершигора обратился к ним:

— Место для книг ты выбрал надежное, Коля. Теперь пойдете и прощупаете вот это шоссе,— указал он на тонкую линию, уходящую от Ковеля на юг.

Разведчики закурили. Слесарев беспокойно заходил по избе.

— Ты что? — спросил Вершигора.

— Да шоссе-то должно быть оживленным. Ну, и может быть большая стычка.

— Так что же, впервой, что ли? — удивился Гапоненко.

— Ну и...— засмеялся Слесарев,— как бы ее не потерять,— он вытащил из-за пазухи книгу и подал Вершигоре. Тот полистал ее и улыбнулся.

— Спасибо, друг. Надо же найти такую!

Это был том из собрания сочинений партизана и поэта Дениса Давыдова, изданного в 1858 году.

— Вот это находка! Дорогая для нас находка! — сказал Вершигора.

Во время рейда по землям Правобережной Укра-

ины колонна партизан иногда растягивалась почти на десять километров. В ее составе были и пулеметные тачанки, и груженные снарядами, взрывчаткой, патронами и другим боевым имуществом добротные телеги, пушки и просто двустволки. Была здесь и большая телега, запряженная парой лошадей. На ней лежало что-то тщательно закрытое брезентом. Около телеги неизменно шагал Николай Гапоненко.

Под утро, когда колонна втягивалась в село Краевщина, Николай заехал во двор дома, распряг лошадей и сказал старику-хозяину:

— Мне нужен учитель.

...Учитель слушал Гапоненко с изумлением.

— Надо это раздать людям да сказать, чтобы они хорошо припрятали и сберегли. Наш Дед называет эту телегу главной телегой.

К полудню во двор, где стояла телега Гапоненко, пришли несколько разведчиков. Они развернули брезент. Под ним лежали книги.

Разведчики молча разбирали книги и стопками связывали их. Как только стемнело, учитель привел во двор подростков, и те начали уносить книги.

— Что за книги? — обратился я к Николаю.

— Захватили на шоссе под Новоград-Волынском грузовик, — ответил он. — В нем немцы увозили украденную где-то библиотеку. Очень ценные книги...

Под Киевом, в деревне Блитча, на берегу реки Тетерев, отряд Ковпака очутился в окружении. Перед тяжелыми боями партизаны укладывали боеприпасы и нехитрое имущество.

Вершигора внес свою торбу из-под овса в хату и бережно начал доставать из нее записные книжки.

Из вороха бумаг Петр Петрович вытащил обветшавшую книжку, середина которой была прорвана, словно кто-то ткнул в нее штыком. Он повертел ее в

руках. У книги не было обложки, первые страницы вырваны.

— Эта книга должна храниться для будущего музея войны, — сказал Вершигора, — она спасла жизнь Мычке.

Мычка — храбрый разведчик. В тылу врага ему вручили орден Ленина. Как и Гапоненко, он любил читать. На привалах его часто можно было видеть с книгой в руках. На железнодорожном переезде Мычка напоролся на вражеский секрет. Немец полыхнул в него из автомата. Одна из пуль пришлась точно в грудь. А у Мычки под ватником была эта книга. Пробив ее, пуля скользнула вбок, и это спасло партизана от смерти. Мычка вернул книгу Коле Гапоненко, а тот решил сберечь ее.

Однажды произошел крупный разговор из-за книги. «Скандал» начался вечером, когда партизаны готовились к ночному маршу в село Крымок под Радомышлем. Оттуда ковпаковцы должны были неожиданно для немцев выйти к Припяти и потопить вражескую флотилию. Вершигора перерыл все на своей тачанке, строго спрашивая у ездового Саши Коженкова, куда могла деться книга. Коженков уверял, что он ту книгу спрятал в торбу с овсом и она «сей секунд», как говорил он, лежала с записными книжками и другими «казенными бумагами».

— Что же это за книга, Петр Петрович? — поинтересовался я у разгневанного Вершигоры.

— Том «Войны и мира». Надо же пропасть! — сокрушался он.

— Неужели вы не читали «Войну и мир»?

— Читал. Только все равно этот том мне нужен до зарезу. Очень нужно перечитать, хочу написать книгу о партизанской войне.

Соединение вышло в ночь. А под Радомышлем, в

селе Крымке, где стали на дневку, Петр Петрович опять заговорил о книге. Разведчики сидели около него и чему-то улыбались. Вершигора насторожился.

— Ребята, а ведь Толстой-то у вас,— проговорил он, прищулив левый глаз.— По лицам вижу, у вас.— Он остановился перед Леней Слесаревым. Тот смутился.

— Ну вот что, парень, гони книгу,— приказал Петр Петрович.

Леня вытащил из-под ватника том «Войны и мира».

— Только с уговором,— попросил разведчик,— я дочитаю Толстого, а вам на это время дам Тургенева.

Вершигора ласково посмотрел на партизан.

— И слов у меня не хватит в книге о вас,— сказал он.— До чего же вы красивые люди!

Разведчики чаще и чаще приносили из своих походов вместе с боевыми трофеями книги. Это были зачитанные тома Льва Толстого, Тараса Шевченко, Пушкина и Леси Украинки. И тогда в партизанском войске на эти книги устанавливались очереди.

Как всегда, больше всех приносил книг Николай Гапоненко.

Однажды Гапоненко отметил необычное оживление на автомобильной дороге Новоград-Волыньск — Житомир. Он взял на заметку колонны грузовиков, много легковых машин с офицерами. Движение машин само по себе еще мало о чем говорило, а предположения в боевой разведке нетерпимы. Нужно было добыть точные сведения: что значит это оживление на автостраде?

Короче говоря, Коля подловил легковую машину, из кювета обстрелял ее в упор из автомата. Солдат-водитель был убит, а ехавшего с ним обер-лейтенанта

Николай взял в плен. Коля заставил немца тащить оказавшуюся в машине тщательно упакованную пачку книг.

На рассвете пленный офицер рассказал у Ковпака новости, не особо приятные для партизан: в район Житомира стягивались карательные подразделения. В их задачу входило устроить заслон и отрезать ковпаковцам путь с Ровенщины в Житомирскую и Киевскую области.

Пока шел допрос офицера, пока Ковпак рассматривал карту, сопоставляя рассказ пленного с другими разведывательными данными, за окном громче и громче начали раздаваться голоса молодых партизан. Потом за окном неожиданно раздалась команда Николая Гапоненко:

— По врагу человечества — огонь!

Застрелкали автоматы, оглушительно залпом выстрелили карабины.

Ковпак выглянул в окно. Его лицо расплылось в улыбке. Гапоненко, увидя Ковпака, подбежал к окну и доложил:

— Товарищ командир соединения! Взвод расстрелял Гитлера!

Ковпак засмеялся. Гапоненко подал ему в окно прошитую пулями книгу. Дед осмотрел ее, покачал головой и подал ее пленному обер-лейтенанту. Тот нерешительно взял книгу и замер.

— Что это за книга? — спросил Ковпак. Переводчик перевел вопрос Деда офицеру. Немец дрожащим голосом ответил:

— «Майн кампф».

С Большой земли вместе с взрывчаткой и боевыми припасами в партизанские отряды и соединения иногда доставляли и маленькие походные типогра-

фии, бумагу и наборщиков. Своей газеты партизаны не издавали. А вот листовки и в особенности сводки Советского информбюро печатали. В них сообщалось о положении на фронтах и победах нашей Красной Армии. Эти листовки оказывали сильнейшее действие на местное население.

Каждое утро у ковпаковцев начиналось с того, что политруки подразделений, получив свежееотпечатанную сводку, читали ее партизанам, а разведчики несли в окружающие деревни и села, расклеивали на дорогах, через свою агентуру отправляли в города.

Листовки и сводки Советского информбюро о положении на фронтах делали большое дело.

— В листовках и сводках Советского информбюро,— говорил Ковпак,— таится такая же сила, как у Грицко Тарасевича на телеге во взрывчатке.

В партизанских архивах в Киеве хранятся тысячи листовок, отпечатанных во вражеских тылах. Невольно проникаешься к каждой пожелтевшей сводке Советского информбюро или листовке огромным уважением, как проникаешься уважением в Музее Советской Армии к оружию, решавшему в огневые годы исходы смертельных сражений.

Партизанская печать, ее «свинцовые взводы» доказали, что печать является грознейшим оружием.

...Молодежь, ковпаковские лихачи, веселилась, гуляя по улицам с крымковскими девчатами. Пожилые партизаны вели с хозяевами хат неторопливые разговоры на извечные крестьянские темы — о пахоте, об урожае. Но великое весеннее беспокойство проявлялось у пожилых партизан не только в разговорах о земле, садах, семенах и начале полевых работ. Изголодавшись по привычной работе, они не могли сидеть сложа руки, без дела и сейчас по-хозяйски чинили плуги, бороны, телеги. Шорники ремон-

тировали сбрую. Плотники чинили хозяйкам заборы или приводили в порядок дворы.

Ковпак с Базимой сидели в просторной хате у раскрытого окна и вполголоса беседовали о чем-то. На столе перед ними лежала карта. Ковпак на углы ее положил по большому куску хлеба, чтобы она не свогачивалась в трубку. Всю карту зигзагами перечеркивала жирная линия, обозначающая путь, который прошло соединение. На местах недавних боев были нарисованы танки, броневые автомобили, фигурки солдат, опрокинутые железнодорожные паровозы и вагоны, мосты через железные и шоссейные дороги. Эта карта говорила о том, что механизированную фашистскую орду можно бить и побеждать.

Как старые добрые кумовья, Ковпак и Базима неторопливо беседовали на досуге, вспоминали прошлое, мечтали о будущем.

— Лошадей ковать надо, дорога тяжелой стала, — сказал Базима.

— Да, — промолвил Ковпак, расправляя карту. — Скоро трогаться будем. Пойдем лесами, по ночам морозец еще держит дорогу.

КОДРИНСКИЙ БОЙ

В приказе говорилось: «Продолжать движение, начиная с 6 часов утра, на лесную деревню Кодру и деревни — Язвинку и Рак, форсировать железную дорогу Коростень — Киев и остановиться в деревне Блитче, на берегу Тетерева». За это время соединение должно было пройти сорок девять километров и, по расчетам Деда, окончательно оторваться от врага. Таким образом, из Крымка, в котором ковпаковцы загородились от гитлеровцев рекой с широ-

кими лугами, партизаны должны были тронуться дальше.

Конная разведка во главе с Ленкиным уже поднялась и въехала в лес. Политуха запрягал рыжих рысаков Деда, которые беспокойно посматривали по сторонам. Дед вышел из хаты и только было поставил ногу на подножку, как из-за леса вынырнули три фашистских самолета и стали обстреливать село.

— Лошадей во дворы! — крикнул Дед. — Всех не разбомбят, а на улице могут посесть из пулеметов.

Лошадей завели во дворы. Самолеты сделали круг, летчики набросились на головную походную заставу и скот, идущий к лесу. Пулеметная стрельба с земли, пушечная с самолетов, рев раненых коров наполнили воздух. Гитлеровцы повели наступление со стороны города Радомышля, который находился в одиннадцати километрах от Крымка. Фашисты подъехали из города на машинах и, рассыпавшись по лесу, развернулись в цепь. Партизанский заслон был сбит, и Ковпак приказал сковать противника артиллерией и минометами, чтобы в это время выйти из Крымка.

Анисимов открыл огонь из пушек и минометов. Фашисты отпрянули в глубь леса. Заслоны партизан вышли на опушки. Анисимов, увидев боевой успех, ударил из пушек еще раз, и заслоны начали теснить противника.

Самолеты штурмовали за мельницей спешно уходящую в лес голову колонны. Они сделали несколько заходов, побив лошадей, коров, и наконец улетели.

— Выезжай! — крикнул Ковпак, садясь в тачанку.

Колонна перешла на рысь, по лесу справа шла стрельба: то ковпаковский заслон сдерживал врага.

Мы проехали мимо убитых лошадей, коров, разбитых телег и начали втягиваться в лес. Лошади

пошли шагом. Рядом с тачанкой Вершигоры шла раненная в плечо и отпряженная лошадь. Сначала она трусила рысцой, но, как только колонна пошла шагом, она зашла за тачанку. Коженков достал кусок хлеба. Она обнюхала его и не взяла.

— Ей не до хлеба,— сказал Вершигора.

— Не отстают,— удивился тот, глядя на разбитое плечо лошади.

— Привычка — вторая натура,— отозвался Петр Петрович.— Похоже, что нам удалось оторваться от противника.

Из разведывательных данных штаб знал: из Радомышля был подвезен двадцать один грузовик с вражеской пехотой. Это был авангард той гитлеровской части, которая проворонила Ковпака в степной полосе, в районе железной и шоссейных дорог, идущих из Коростеня на Житомир. Только сейчас поняли ковпаковцы великий смысл приказа своего командира продолжать рейд по степи при солнечном свете. Невероятный бросок, совершенный к Межеричке и далее через реку Тетерев в Крымок, позволил партизанам уйти от преследования. Ковпак не раз говорил, что перед тем, как принять решение, он влезает мысленно в шкуру вражеского командира и, пока не уяснит, что предпримет тот по отношению к партизанской армии, до тех пор сам ничего не решает.

Фашисты, очевидно, поняли, что Ковпак от них уходит, и уже вдогонку пустили машины по дороге из Житомира на Коростышев и Радомышль.

Звуки боя затихли, когда партизанский обоз подъезжал к перекрестку, где дорогу пересекала просека, ведущая на Кодру. Вдруг послышался звук мотора. Повернув на просеку, партизаны сразу увидели справа от дороги немецкий грузовик. В кузове в форме гитлеровских солдат сидели четверо. Один из них

держал над головой красный платок. Никто из колонны по машине не стрелял.

— Почему его не бьют? — крикнул кто-то. — Ведь фашистский.

— А затем не бьют, — равнодушно ответил Вершигора, — что свои же едут. Разве не видно — Володька Лапин держит платок, а рядом с ним Гапоненко?

Грузовик подъехал к нам. В его кузове действительно стояли разведчики, за рулем сидел Коля Матвеев.

Раненая лошадь стояла, глядя то на нас, то на грузовик.

— Ну-ка, милая, посторонись! — крикнул Лапин.

Лошадь отошла от дороги и легла, вытянув шею. Грузовик тронулся. Лошадь раза два подняла голову, посмотрела на проходящую мимо нее колонну и, положив голову на землю, больше не поднимала ее.

Машина отъехала в сторону и пропустила мимо себя всю колонну. Разведчики, сгрузив с нее на последние телеги две бочки бензина, зажгли ее. Сгоревшая машина могла на узкой лесной дороге быть некоторой помехой для гитлеровцев.

Колонна двигалась медленно. Узкая извилистая лесная дорога не позволяла перейти на рысь. На телегах, за исключением раненых, никто не сидел. Дед тоже шел, хотя валяные сапоги и большая шуба мешали ему. Он курил, не изменяя своей манере прятать сигарку в широкий рукав шубы.

В сумерки перед колонной показалась деревня Кодра. Точно гигантский пенек поднималась она на бугре среди леса. При въезде в деревню стоял домик лесника. В нем было пусто.

— Остановка будет здесь, — сказал Дед Базиме, подъехавшему к нему с докладом. — До Блитчи нель-

зя допускать гитлеровцев. Им надо здесь дать бой. Расставляй батальоны.

На минуту он задумался, а потом добавил:

— Если допустить врага к Блитче, то он всю обедню нам испортит. Из этой деревни мы поднимем под Киевом все мосты, оторвемся от противника и тогда прямым ходом к флотилии врага на Припяти.

При свете электрического фонаря они рассматривали карту, и Ковпак отдавал приказания, как и где расставить батальоны. Увидев, что подходит Вершигора, он крикнул:

— Разведчиков пошли назад, чтобы задержали фашистов, не отрываясь, вели бы их сюда.

Вершигора разыскал в колонне отделение Лапина и взвод Гапоненко. Разведчики повернули обратно, к Крымку.

Автоматчики ушли. Дед приказал всем спать и ушел в свою хату.

Ковпаковцы разместились на опушках, в лесу и в деревне. Дед так расположил свое войско, чтобы гитлеровцы при наступлении подставили свои фланги под огонь пулеметов и автоматов.

Не спали и штабные работники. Они прислушивались к отдаленному гулу боя, который завязала разведка, и тихо переговаривались между собой.

Ковпак обходил опушки, осматривал завтрашнее поле боя. Он разговаривал с бойцами, похлопывал, точно лошадей, раскрытые пулеметы на тачанках, говорил с командирами, объяснял им значение предстоящего боя.

В диверсиях исключительно крупного масштаба, проводимых на железных дорогах и против военных объектов противника, Ковпак видел свою главную задачу. Но когда во время глубокого рейда противник пытался окружить колонну или начинал ее пресле-

довать, ковпаковцы сами заманивали его в ловушки, били и снова шли к намеченному для диверсии военному объекту.

И вот наступило утро.

Заслон партизан увидел, что с восточной стороны, из села Забуянье, шел походной колонной взвод гитлеровских солдат. Ковпаковцы подпустили их совсем близко. То были странные противники. Они подошли, держа винтовки за плечами, и подняли руки. Шесть партизанских пулеметов были нацелены на них.

Это был взвод охраны железнодорожной ветки, отходящей на юг от линии Коростень — Киев. Взвод этот состоял из советских бойцов, попавших в плен к фашистам, сформированных в особый легион и переброшенных на охрану дороги. Этот легион назывался «туркестанским», в нем были только казахи. Услышав звуки боя, они, перебив свое начальство, ушли к партизанам. Их допросили в штабе и, отведя в один из батальонов, оставили с оружием.

Дед обошел батальоны и вернулся в штаб. В его руке была большая палка. В своей шапке и шубе он походил на Ивана Грозного.

— Я слушал бой разведчиков, — сказал он, садясь на лавку. — Надо подбросить десятка два автоматчиков в помощь.

С ординарцем Мишей Семенистым было послано приказание Карпенко отправить на подмогу разведчикам двадцать автоматчиков и впустить фашистов в деревню утром после завтрака.

Дед посматривал на часы и вопросительно вскидывал глаза на штабных работников.

— Мабуть, разведчики их отогнали? Тогда зря. Пошлите к ним, пусть демонстрируют, что тикают. Пусть заманивают. Нужен бой.

Пока посыльные пробирались лесом к разведчикам, пока передали им приказание, а те вновь завязали бой, времени прошло порядочно. Партизаны в Кодре начали готовиться к обеду, и, когда он был готов и костры были потушены, неожиданно на батальон Кульбаки наткнулись гитлеровцы. Они не пошли там, где их ждали. Они ударили с запада.

Так в два часа пополудни завязался кодринский бой. Рота командира Вислого развернулась и приняла на себя удар гитлеровского батальона. Вражеские грузовики подъехали и к домику лесника на южной стороне деревни. Но здесь их ждала засада. Пулеметный шквал из-за пней, выстрелы из бронейных ружей командира взвода Зезюлина делали свое дело. Машины начали гореть, а фашисты, соскочив с них, залегли. Здесь зародился второй очаг кодринского боя.

Выслушав доклад ординарцев, Дед и Руднев вышли из хаты и стали прислушиваться к бою.

Минуты три Ковпак и Руднев молча слушали звуки боя. Потом Дед спросил:

— Что будем делать?

— Карту! — крикнул Руднев в окно штаба.

Командир и комиссар углубились в карту, изучая обстановку. Из докладов командиров батальонов они твердо знали, что полк противника, начавший преследование в Крымке, полностью подошел к Кодре и теперь с двух направлений ведет наступление.

— Они будут теснить нас, — сказал Руднев. — Пусть, первые полчаса или час боя им потом выйдут боком.

— А что ты предлагаешь? — спросил Ковпак.

Руднев оглянулся.

Карпенко, командир роты автоматчиков, и Ефремов, командир другой роты, стояли неподалеку.

— Вот они,— указал Руднев,— должны изменить обстановку и определить боевой успех дня.

Грохот боя эхом перекатывался по лесам. Пули чаще и чаще визжали над головами собравшихся во дворе штабного дома. Пуля свистела, свист ее длился бесконечно долго, словно целую вечность, и многие инстинктивно пригибали голову. Только два человека — Ковпак и Руднев — не кланялись им.

— Исход боя,— сказал Ковпак,— решит обычная хитрость. То, что не сделают два батальона, сделают две роты. Основные силы будут в резерве.

— Дерзость сейчас,— сказал Руднев,— куда полезнее всякого долго обдумываемого решения.

— Гляди,— сказал он,— гляди на карту. Да зачем тут карта — вот, гляди, опушка,— указал Дед палкой на южную окраину деревни в направлении домика лесника.— Веди свою роту для удара во фланг, рассыпешься — и смелее. Понял?

— Ясно,— сказал Карпенко.

— Иди,— сказал ему Руднев.

Карпенко побежал через огород к сараям, где была размещена его рота. Через несколько минут он вывел автоматчиков к лесу.

— Ефремов,— позвал Дед,— иди ко мне.

Тот подошел и вытянулся перед командиром.

— Смотри,— и Дед, палкой указав на домик лесника, медленно отвел палку вправо на четверть горизонта.— Поведешь своих парней по лесу и ударишь по правому флангу противника. Больше смелости. Понял?

— Так точно,— ответил тот.— Можно выполнять?

— Давай,— сказал Дед.— Ни ранения тебе, ни смерти.

Исход боя зависел от этих рот. Если хоть одна из

них станет действовать робко, бой может быть проигран.

Слева от дома лесника, где до этого все было тихо, вдруг наперебой застрекотали автоматы.

— Карпенко пошел, — сказал удовлетворенно Руднев. — Началось.

И точно подтверждая слова комиссара, издалека, справа, в глубине леса, заработали ручные пулеметы Ефремова.

— Ну вот, хороший день, Дед, — подмигнул Ковпаку Руднев.

— Коженков, давай тачанку! — крикнул Вершигора.

Его ездовой, куривший вместе с ординарцами у стены, бросился через улицу к своей тачанке. Спустя минуту он подъехал к штабному домику.

— Поедем к бою, — сказал Вершигора.

Тачанка шла низиной, по которой выносили из леса раненых партизан. Коженков нахлестывал лошадь. Звуки боя на центральном участке постепенно ослабевали, тогда как на флангах они становились все слышнее. У крайней хаты стояли Базима и командир батальона Кульбака. Отсюда Базима руководил центральным участком боя. Батальон Кульбаки в начале боя принял на себя основной удар и сделал все, чтобы задержать фашистов и заставить их залечь на снегу в лесу.

— Что за оказия на флангах? — вместо приветствия спросил Базима.

Он был одет в ватную куртку и дрожал не то от холода, не то от возбуждения. Он не знал еще об ударах, нанесенных по флангам противника.

— Карпенко и Ефремов включились, — ответил Вершигора.

Дальше ехать пока нельзя было.

— Атака! — крикнул кто-то.

Это слово тут же передали по цепи. Никакой суеты — ковпаковцы стояли на своих местах. Некоторые посматривали на свои автоматы, словно видели их впервые. Ждали.

Гитлеровцы поднялись в атаку. В них никто не стрелял. Они что-то кричали, но из-за глубокого снега двигались медленно. Они были хорошо видны на белой поляне, в то время как сами не могли видеть партизан, скрывавшихся за деревьями. Ковпаковцы чувствовали себя уверенно на своей позиции. Они долго шли до этих лесов, много мерзли ночами на маршах и никак не могли упустить возможность по-настоящему сразиться.

Когда гитлеровцы выбежали на середину поляны, кто-то крикнул невнятное слово вроде: «Начинай!» — и грохот десятка автоматов и пулеметов оглушил лес. Петрович стоял за сосной и стрелял короткими очередями. Цепь атакующих остановилась. Несколько солдат упало, и тогда невесть откуда взявшийся высоченный Кульбака закричал своим высоким голосом:

— В контратаку поднимайся!

Точно вскинутые пружиной, бойцы выбежали из-за деревьев и, стреляя на ходу, устремились к противникам. Те, очевидно, не ожидали ответной атаки и остановились. И тогда с бугра, с исходного рубежа гитлеровцев, бросились на ковпаковцев десятка два овчарок.

Собаки уже обогнали своих солдат. Лежавший слева между сосен пулеметчик ударил по ним. Штук шесть собак остановились и, сев на задние лапы, стали с визгом зализывать раны, но несколько прорвались и, рыча и воя, наскочили на партизан, с ходу кидаясь на груди и плечи. Это были страшные схват-

ки людей с животными. Ковпаковцы, обегая места, где происходили эти схватки, продолжали наступление. Собак добивали ножами и пистолетами. Бойцы устремлялись за своими и вливались в контратакующие цепи. Фашисты отпрянули вправо, но их снова встретили пулеметчики Ефремова.

— Здесь картина ясная,— сказал Вершигора.— Поедем в деревню.

По пути он взял двух раненых. У крайней хаты тачанка остановилась. Один из командиров отчитывал бойца, называя его трусом и мерзавцем.

— За что ты его так? — спросил Петрович.

— А как же, новичок, вот и оставил позицию,— ответил командир.— Пулемет оставил. Хорошо, что другой подхватил.

Потом проехали в знакомую низину.

— Знаете, это легко сказать — «он трус», «он несмелый человек», — сказал Петрович.— Попробуйте сразу стать храбрым. Ведь храбрость не что иное, как опытность.— И он, подумав, добавил: — Только изучение поведения врага и его уловок, знание своего оружия, помноженное на чувство человеческого достоинства и гражданского долга, делает людей на войне смелыми.

Мы уже поднимались в гору, когда Петрович повернул свою бороду в нашу сторону, улыбнулся и сказал:

— Вот почему все мы уверены, что самый храбрый среди нас — Ковпак.

Раненые сидели молча. Санитарки наскоро перевязали их еще в лесу, и они отправлялись в санчасть. Петрович снял шапку. Вытаскивая из своих карманов собранные им документы гитлеровских солдат, он складывал их в шапку и наполнил ее доверху. Потом он задумался.

— Нужен хотя бы один живой фашист,— сказал он сердито.

Ковпаковцы брали пленных только во время стычек на марше. В крупных боях, которые они вели с превосходящими силами противника, им было не до разведывательных исканий Вершигоры.

Мы подъехали к штабу. Дед с Рудневым стояли на старом месте. Петрович выхватил из шапки кипу гитлеровских документов и бросил их на дорогу.

— Дед, Дед! — воскликнул он.— Сам попластунски ползал в австрийские окопы за «языками», два Георгия за это получил на первой мировой войне, а сейчас воюешь «без пленных».

— Ты что, бунтуешь? — спросил Ковпак.

— Да как же, разведчики с ног сбились,— сказал Вершигора,— «языка» никак не добудут, а тут по вашему приказу схваченных живьем офицеров бьют.

— Э, братик,— сказал Дед и полез в карман за махоркой, что у него всегда было признаком волнения или успокоения.

Услышав, что его приказ выполняется, он довольно кивнул головой. Задумчиво свертывал он сигарку, закурил, подошел к нахмуренному Петровичу и, положив руку на его плечо, сказал:

— Вот ты говоришь, что я старый солдат. Что верно, то верно. Солдат на умении воюет, на выучке. А наши батальоны разве из солдат состоят? Кульбака с Матющенко — кооператоры, Базима — директор средней школы, Карпенко — неизвестно откуда, одним словом, сбор богородицы. А воевать мы обязаны не хуже, чем солдаты. Ты пойми, что это же партизаны, они воюют духом, душой. Им только бы убить фашиста. Ну, не будем считаться. Ординарец! — крикнул он.

Семенистый подбежал к нему.

— Скачи до Карпенко,— сказал он,— скажи, что командир требует двух гитлеровцев. Скажи ему: живых-здоровых, одним словом, в натуральном виде.

Петрович отошел от Ковпака и махнул рукой Коженкову:

— Поедем на левый фланг.

Грохот боя в той стороне иногда начинал нарастать и, дойдя, казалось, до наивысшей точки, обрывался и вновь возникал. Мы остановились у леса, сошли с тачанки и пошли в направлении боя. Под соснами медицинские сестры перевязывали раненых партизан. Непонятные ложбинки, такие, словно кто-то здесь тянул бревна, уходили в глубь леса. Мы пошли туда. Каждая такая ложбинка приводила к трупам врага, а то и к двум.

— Видишь, какая драка была,— сказал Петрович.— Фашисты своих раненых после боя тянули,— и он указал на трупы с веревками в руках.

Мы шли дальше. Бой шел за дорогой. Неподалеку от домика лесника догорали четыре немецкие машины и стоял броневик с повернутой в нашу сторону башней.

У дома сидели два партизана с автоматами.

— Как дела? — спросил их Петрович.

— Идут,— ответил один из них, встав.— Слышите, как гитлеровцев колотим?

— А вы что здесь делаете? — спросил Петрович.

— Мы? — переспросил боец.— Бездельничаем, пленных охраняем.

— Вот находка! — воскликнул Вершигора.

— Давай пленных к штабу.

Когда мы уже подъезжали к штабу, дежурный издали закричал:

— Вас Дед зовет к себе!

В хате Ковпака у печки стояли два рослых немец-

ких солдата. Дед угостил их махоркой, и те, закурив, кашляли. Ковпак, увидев Вершигору, сказал:

— Вот, как обещал, так и сделал. Бери.

— Они мне уже не требуются,— сказал Вершигора.— Картина ясная.

Пленные вытянулись перед Ковпаком и смотрели на него, как на начальника.

— Ты говоришь, не нужны они тебе? — спросил он Вершигору.

— Нет,— сказал тот и собрался уходить.— Через десять минут доложу обстановку.

— Ты что, смеешься? — закричал Ковпак.— То «языка» давай, то ему уже «язык» не требуется. Забирай их из моей хаты. Ишь, наследили сколько.

Он сердито начал ходить по хате от окна к двери и обратно. Потом вдруг поднял кулак и закричал:

— Вон отсюда, бисово отродье!

Те, не поняв его, подошли парадным шагом и взяли под козырем.

— Вон отсюда,— закричал снова Дед.— Политуха, неси маузер!

Пленные, услышав слово «маузер», побледнели.

Петрович по-немецки приказал им следовать за собой.

Бой в кодринских лесах затихал.

Утром, еще задолго до начала боя, Ковпак выслал на северо-восток разведку на бричке. И вот к вечеру, когда колонна вновь должна была тронуться, в Кодру влетели разведчики.

Ковпак увидел их и неторопливо подошел:

— Вернулись? Докладывайте.

Разведчик Гольцов взволнованно доложил:

— Мы выехали к железной дороге. Все тихо было. Охранник на переезде поглядел на нас и ушел в сторожку. Мы видели, товарищ командир, справа, шагах

в десяти не доходя до переезда, окопы и у дороги пулеметное гнездо. У пулемета никого не было. Поехали дальше, ездили, ездили и заплутались. В деревнях гитлеровцев нигде нет. Плутали, плутали и въехали на станцию Тетерев.

— Как на станцию? — спросил Ковпак. — На самую станцию?

— На станцию, — ответил тот. — Едем, фашисты ходят, смотрят на нас. Думаем, принимают за полицейских. Проезжаем железную дорогу. Глядим — стоит товарный поезд, пехота немецкая выгружается, а на переезде две пушки стоят.

— Так, — сказал Ковпак. — Дальше.

— Переезд проехали тихо, силы лошади берегли. Гитлеровцы вдруг забежали, шум подняли. Кричат нам что-то, вверх стреляют. А лес впереди близко. Я из ручного пулемета по переезду дал очередь. Лошадь на рысь перешла — и в лес, на деревню Мигалки. Едем тихо по лесу, и вдруг погоня за нами. Слышали, наверное, как мы отстреливались?

— А у нас своей стрельбы хватало, — сказал Ковпак. — Дальше говори.

— Отбились, — сказал Гольцов.

Подошел Руднев.

Дед рассказал ему вкратце все, что доложил разведчик.

— Что будем делать? — спросил он комиссара. — Ведь нам через этот переезд идти надо. А раз так... — сказал Дед и вдруг крикнул: — Семенистого ко мне!

Ординарец вынырнул из-за шубы Деда.

— Беги к Павловскому и скажи ему, чтоб скорее выслал стадо по дороге на Блитчу.

Солнце садилось. Во дворах обозники поили лошадей, запрягали их в телеги и тачанки, готовясь к выходу из Кодры.

По улице бежала радистка Клава. Она держала в руках бумажку.

Она перепрыгнула через канаву, которую не примечала до этого, и подбежала к Деду.

— С Надей установили связь, — сказала взволнованно Клава. — Вот первая весточка.

— Читай. Что они пишут? — сказал Ковпак.

— Форсировали железную дорогу благополучно. Противника обходим, продвигаемся к Припяти. Ласточкин.

— Что ж им ответить? — спросил Ковпак. — Идут, ну что ж. Пиши: «Орляткину. Счастливый путь».

Клава записала и побежала к радиостанции.

— Вот и хорошо, железку перешли. Значит, и до Припяти пройдут, — сказал он, поправляя шапку.

Погонщики выгнали скот из Кодры, и он лесом побрел на север. Колонна тронулась, когда стемнело. На поле боя у Кодры, в лесу, противник оставил двести сорок восемь трупов и оружие. Девятнадцать солдат были взяты в плен.

Ковпаковцы увозили с поля боя восемнадцать убитых и сорок одного раненого партизана.

Впереди колонны шла пешая разведка. Мычка и Черемушкин шагали рядом молча. Они шли впереди колонны, подчиняясь своему порядку — слушать, глядеть и молчать.

Морозило. Снег, подтаявший днем и замерзший ночью, скрипел под ногами. Лес обступил дорогу, и разведчики шли между темных сумрачных стен.

Вдруг раздались нестройные выстрелы из винтовок, затем послышалась длинная пулеметная очередь.

— Длинная, — сказал Черемушкин, — значит, пулеметчик испуган.

Стрельба началась где-то рядом. Разведчики рассыпались и цепью пошли на звук боя. Дорога свернула вправо. На фоне неба поднимался телеграфный столб. Одиноко, словно большой крест, возвышался он, предвещая близость железной дороги.

— Ложись! — крикнул Мычка.

Все бросились на землю, и в это мгновение раздался взрыв гранаты. Черемушкин встал на колени и, вскинув автомат, дал три коротких очереди. Мычка поднялся и, точно кошка на мышь, бросился к кусту. Под кустом началась возня. При тусклом свете лесного полумрака сверкнуло лезвие кинжала, раздался стон. Мычка вылез из-под куста. Вытащив на дорогу ручной пулемет, он закрыл рукой лицо.

— Ты ранен? — спросил Черемушкин, доставая пакет с бинтами.

— Не пойму, — отозвался Мычка. — Верно, оглушен. Фашист гранатой по голове ткнул, я успел отшвырнуть ее.

Прикрывая одной рукой затекший глаз, а другой волоча пулемет, Мычка снова тронулся по обочине дороги.

Справа, шагах в двухстах, послышалась стрельба из автоматов. Это рота Карпенко, посланная в обход переезда, нарвалась на засаду. Очереди вражеских пулеметов стихали, их перебивал грохот наших автоматов. Слева тоже возникла стрельба. Там проламывала себе путь через железную дорогу другая рота Путивльского батальона.

Разведчики подошли к переезду. Домик справа зловеще молчал. Черемушкин подбежал к окну, ударил о раму ложем автомата, бросил в домик гранату. Она глухо взорвалась. Черемушкин забежал за угол

крыльца, толкнув ногой в дверь, выпустил в коридор две очереди.

— Входи, — сказал он, — живых в хате нет.

В домике были явные признаки недавней паники. На полу валялись ранцы, котелки и коробки с патронами. Распушенные пулеметные ленты переплетались, точно змеи.

Подходила головная походная застава. Кульбака, командовавший авангардом соединения, появился у дверей дома.

— Патроны есть? — спросил он.

— Есть, — ответил Черемушкин. — Ох, любит же Кульбака боевые трофеи! — добавил он и направился к полотну железной дороги.

На насыпи по обе стороны Анисимов устанавливал пушки. Через полотно дороги проехали первые телеги. Прискакала конная разведка со своим командиром Ленкиным.

— Марш! Марш! — приказал он. — Шпоры! — И вся его кавалькада тронулась рысью в лес.

Справа от переезда разгорался бой. А через переезд торопливо шли тачанки с раскрытыми пулеметами. Появились рысаки Ковпака. Дед сидел один на своей тачанке. Когда тачанка поднялась на насыпь, он крикнул первому попавшемуся партизану:

— Как только все переправятся, беги до Карпенко, пусть свернет бой.

Колонна ковпаковцев вошла в Блитчу — большую приречную деревню. В дальних переулках то там, то тут начиналась стрельба из автоматов и утихала.

Деревня ожила, женщины вышли к калиткам и рассматривали партизан. Затем они затопили печи, и над домами поднялся сизый дым.

Над рекой Тетерев, которая протекала мимо Блитчи, в чистом весеннем небе застыли два облачка.

Дед вышел на берег. Он сел на бревно, глаза его устремились на луг. О чем он думал? Я подошел к нему. Он повернул голову. Добрые его глаза точно солнечным теплом обдали меня.

— Шапки-то менять скоро придется,— сказал он.

— Да, весна,— ответил я.

— Эх, раздолье приходит, в лесах жить можно будет,— сказал он, смотря на заречный лес.

— Вы невеселы сегодня,— заметил я.

— Не до веселья,— сказал он и вздохнул. Я еще не видел его таким удрученным.

— Если бы у меня сейчас было много взрывчатки и время, то гитлеровцы, пожалуй, не могли бы пройти с правого на левый берег Днепра,— задумчиво начал он.— А теперь их резервные дивизии проскочили через Фастовский узел. Известно вам, что гитлеровцы подразделяют железные дороги по их значению на три класса? И Фастов, как железнодорожный узел, они относят к первому классу.

Дед глядел на реку. Там на берегу женщины полоскали белье, звонко разговаривали, смеялись.

— Да,— сказал Дед,— пойдём теперь на север. Не слыхал о флоте фашистском?

— Слышал,— ответил я.

Ласточкин уже выследил движение флотилии противника на Припяти. Пароходы тянули по Припяти, а затем по Днепру к Киеву караваны барж с боеприпасами и военным имуществом.

— Мы завершим этот рейд разгромом флота,— сказал Ковпак.— Правда, с Фастовским узлом неладно у нас получилось...

Становилось жарко. Дед поднялся, распахнув шубу, неспешно пошел по селу. Девчата, сидевшие на бревнах, с интересом смотрели на него. Ковпак подмигнул им:

— Грееетесь?

— Греемся,— ответили те.— Ты, дедушка, тоже, воюешь? — засмеялись они.— Сидел бы около старухи.

— Сидел и около старухи,— ответил он, улыбаясь,— а теперь не сидится.

Не знали блитченские девчата, что мимо них шел тот самый легендарный старик, который увел с собою их женихов, о котором они слышали и будут еще слышать много рассказов.

— Не сидится,— повторил он и, посматривая по сторонам, пошел к большому дому на площади, к сельской управе, около которой толпились его ординарцы.

Ковпак сидел за столом в ватнике и ватных брюках. Свет от окна падал на его седую бороду, и от этого она казалась серебряной. Глаз за очками не было видно. Лысина сверкала на его голове. Он настолько был сосредоточен чтением каких-то бумаг, что не заметил, как я вошел и стал за его спиной. Изредка он подчеркивал кое-какие места и, качая головой, говорил: — Цикаво!

В его руках был перевод дневника немецкого учителя истории и философии, убитого ковпаковцами в Ровенской области.

Дед повернулся и, заметив меня, сказал:

— Никогда тихо не подходи к человеку сзади. Испугать можешь.

— Извините,— сказал я.

— Вот так политика,— сказал он, указывая на дневник.

— Какая? — спросил я.

— Вот, посмотри.— И он подал мне страницы перевода.— Запиши себе, пригодится. Такое надо у нас

печатать чаще. Народ увидит, что от него гитлеровцы хотят.

«Гитлер говорил: кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы? — писал учитель истории и философии. — Я буду систематически мешать увеличению их численности, отделяя, например, в течение долгих лет мужчин от женщин. Начиная с настоящего времени задача германской политики, рассчитанной на длительный срок, — остановить всеми средствами плодovitость славян. В прошлое время за победителями признавали полное право истреблять племена и целые народы.

Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы: русских, белорусов, поляков, чехов, словаков, болгар. Нет никаких причин не сделать этого».

Ковпак изредка посматривал на меня поверх очков, наблюдая, какое впечатление производит дневник. Я помолчал, а потом продолжал читать:

«Народ, который считает Льва Толстого великим писателем, не может претендовать на самостоятельное существование».

«Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских, это справедливейшее соотношение: один немец равен 100 русским».

— Вот это бумага! — сказал Ковпак. — Интересная бумага. Дальше, дальше читай.

«Балтийские государства, Польша, превращенная в чисто этнографическое понятие и отделенная от моря с севера, увеличившаяся Венгрия, поделенная Сербия и Крoация, уменьшившаяся Румыния, отделенная Украина, целый ряд южнорусских областей и государств, а также государств кавказских — тако-

ва будущая федеративная Германская империя, откуда Германия будет черпать свое могущество».

— Там и про нас написано,— сказал Ковпак.— Вот, черти, не забыли все-таки.

«Агрессивные действия партизан в оккупированных частях, призыв к организации соединений из молодежи и особенно враждебно настроенных жителей может привести к тому, что начнется «малая война». Следствием ее будут агрессивные действия населения против солдат, мотоциклистов, складов, оккупационных управлений и т. д., различные акты саботажа и диверсии.

Все это должно подавляться оружием до полного уничтожения без всякого сожаления.

Где наблюдается пассивное сопротивление и нельзя сразу найти непосредственных виновников и наказать их требуемым образом, необходимо по приказу офицера предпринять массовые карательные мероприятия».

— Вот чего они хотят,— сказал Ковпак.— О партизанах не забыли. Спасибо и за это.

В хате стояла тишина, располагавшая к раздумью.

— Откуда только враг берется,— сказал я.— Бьют, бьют его, а он все идет и идет из Германии.

Ковпак неодобрительно посмотрел на меня. На лице его резко обозначились морщины.

— Ну и что же,— ответил он.— Мы не пришли их считать, мы пришли их уничтожать.

И я вдруг представил себе огромные пространства нашей земли, оккупированной гитлеровцами. Противник завладел большой площадью европейской части Советского Союза. И дороги, растянувшиеся от Германии через Польшу, Белоруссию и Украину, стали самыми уязвимыми местами фашистских ок-

купантов. Огромнейшие территории, покрытые лесами, позволяли маневрировать в тылу врага не только мелким партизанским отрядам, но и крупным соединениям вроде ковпаковского.

Дед потушил окурок и сказал:

— Мы многое можем использовать при наступлении противника. Узкие клинья, которые они забивают иногда в нашу оборону, всегда уязвимы со стороны своих флангов и тыла.

Сидор Артемьевич подумал, снял очки и, бережно уложив их в старенький, обмотанный почерневшей суровой ниткой футляр, продолжал:

— Главный наш козырь — маневр, свободное движение. Сотни подразделений включились в борьбу, мы быстро обескровим гитлеровскую армию. Действия таких частей подняли дух народа, оставшегося за линией фронта. А народ всегда был источником силы для воинов...

Он помолчал.

— Теперь враг отступает от Сталинграда, бои идут под Харьковом. — Он задумался, а потом добавил: — Ну, Гитлер, если за гриву не удержался, то и за хвост не удержишься...

Дверь отворилась. На пороге появился Политуха.

— Товарищ командир, кушать сготовлено, — доложил он.

— Зови комиссара и остальных, — сказал Ковпак, — я сейчас.

Дед вышел из хаты. Пистолет его остался висеть на стене. Ковпака редко можно было видеть с пистолетом. Уверенный в своих людях, командир не нуждался в средствах самозащиты.

Через дорогу, в чистенькой хате, помещалась столовая. Повариха штаба, тетя Феня, накрыв на стол, ждала обедающих.

По сравнению с другими отрядами и соединениями, в которых мне пришлось побывать, у Ковпака приятно поражала сервировка штабной столовой. Тонкие стаканы и серебряные ложечки, столовый сервиз, ножи, вилки и ложки — все было тщательно, со вкусом подобрано. По примеру штабной столовой начали заводить сервировку в батальонах, и только в роте разведчиков ели всегда по-походному, из чугуна.

Тетя Феня разлила по тарелкам суп. Из отдельного чугуна она налила Ковпаку куриного бульона. Дед крошил в него хлеба. На второе подавались вареники.

— Когда же я перестану завидовать, — сказал Ковпак, дожидаясь своей тарелки. — Тетя Феня, дай мне вареников.

— Не могу, Сидор Артемьевич, — отозвалась она, — последних зубов лишитесь. Вам опять мозги приготовлены.

Она подала Ковпаку жареные мозги. Он содрал корочку и, поев немного мякоти из середины, нервно отодвинул тарелку.

— Деснам опять больно, — сказал он. — Очень больно, як у немовля.

Все смотрели на него с сожалением. Уже второй раз в этом рейде у Деда начинали болеть десны. Тремя последними зубами он не мог жевать.

Ковпак встал из-за стола, но повариха подала ему стакан черного чаю.

— Зови ко мне Базиму, — сказал он Политухе, — совещание будет.

Ночь выдалась беспокойная. Хозяйка нашей избы, Пелагея, долго не могла убаюкать ребенка.

— Я очень люблю детей,— мечтательно сказал Вершигора, слушая пронзительный крик ребенка.— На Большой земле у меня растут два сына.

Ребенок заснул, когда уже рассвело, и мы тоже заснули. Меня разбудил неистовый крик хозяйки.

— Ой, лихо, ой, лихо! — причитала она.— Вороги под хатой!

Мы проснулись и сразу не поняли, что случилось.

— Ой, вороги под хатой! — надрывалась Пелагея.

— Какие вороги? — спросил Петрович.— Что ты детей пугаешь?

— Ось побачьте, вороги,— кричала она.

Выглянув в окно, обращенное на реку Тетерев, увидели мы на противоположном берегу пять человек в гитлеровских мундирах, идущих гуськом в сторону деревни.

— Это мои хлопцы,— сказал Петрович,— из разведки идут.

Хозяйка, видя, что мы спокойны, замолкла. Мы уснули. Но не прошло и часа, как Пелагея снова заголосила на всю хату:

— Ой, лихо, вороги под хатой!

Мы проснулись. Петрович плюнул и хотел было занавесить окно, которое выходило к реке. Но Пелагея продолжала кричать:

— Ой, лихо, вороги идут! Ось побачьте, идут вороги,— плача, говорила она, указывая на окно.

Петрович выглянул в окно, потом схватил бинокль и выбежал из хаты. Вернувшись, он кивнул мне и сказал:

— Одевайся, Пелагея права, фашисты в цепь рассыпались.

Мы оделись. В хату вбежала автоматчица Ира Гнатенко, у которой был пост на берегу. Она доложила о появившемся противнике и отправилась об-

ратно. Коженков сбегал к Деду, и тот отдал распоряжение встретить врага.

Противоположный берег был низкий. Фашистская цепь шла во весь рост по лугу. В это время на нашем берегу расставлялись пулеметы, снайперы выбирали для себя укромные места. Появился Дед. Он пришел с палкой и, расхаживая по берегу, всматривался в цепь. Пулеметы стояли готовые к бою. Наш высокий берег главенствовал над противоположным, и вражеская цепь вся была у нас на виду.

— Пора начинать,— сказал один из бойцов Ковпаку.

— Нет, рано,— ответил Дед.— Хай поближе подойдут, и тогда мы их, как кур, бить будем.

Враги приближались. Один из партизанских пулеметчиков забрался на крышу хаты и пристроил свой пулемет на трубе. Он крикнул оттуда, чтобы начинали, но Дед погрозил ему палкой, и он замолчал.

Только когда гитлеровцы были уже близко, Ковпак махнул палкой, и в разных концах на нашем берегу загрохотали пулеметы. Снайперы с первых выстрелов убили несколько фашистов. Начался не бой, а, как сказал Дед, избиение. Из партизан никто не маскировался, и пример этому показывал сам Ковпак. На мой вопрос он ответил:

— Когда солнце сзади тебя, ты невидим. Солнце у нас за спиной.

Гитлеровцы бросились на луговину.

— Не стрелять,— приказал Дед.— Пулеметам молчать. Справятся снайперы. Беречь патроны.

Партизаны закурили и с любопытством смотрели на тот берег. Но гитлеровцы точно провалились сквозь землю. Снайперы через свои прицелы следили за луговиной.

— Во, во, поднимается,— сказал кто-то громко.

На луговине из-за бугорка начала подниматься каска. Лежавший рядом со мной у дерева снайпер взял ее на мушку и дожидался, когда она поднимется выше.

Каска совсем поднялась над бугром, издали можно было различить белое пятно лица. Снайпер выстрелил, каска скрылась.

Ковпак осмотрел наш берег и, затушив сигарку, сказал:

— Этого дела до обеда хватит, пойду завтракать.

Вернувшись через час, он застал ту же картину. Снайперы охотились за поднимающимися из-за бугорков касками.

— Костя,— позвал Ковпак разведчика.— Семенистый, идите ко мне.

Те подошли.

— Давайте на тот берег и справа во фланг фашистам зайдите. Старик! — крикнул Ковпак блинченскому жителю, подходившему к берегу.— Как твое прозвище?

Тот снял шапку и, поздоровавшись, ответил:

— Яковенко, Яков.

— Ну, вот, Яковенко Яков,— сказал Ковпак,— готовь лодку, будешь на тот берег переправлять хлопцев.

Старик мелкими шажками потрусил к реке и через четверть часа вернулся.

— Так что лодка наготове,— сказал он.

— Ну, хлопцы, давай,— сказал Ковпак.

Четверо, среди которых были два ординарца Ковпака, Семенистый и Николаев, начали переправляться. Снайперы чаще стреляли, не давая возможности противнику рассмотреть наш берег.

Яковенко переправил четверку, не выходя из

лодки, начал поджидать их на том берегу. Четверка людей, пригибаясь к земле, обходила луговину. Фашистский пулеметчик, видимо, заметив их, открыл огонь. Наши бойцы залегли. Тогда партизанские пулеметы выпустили по луговине несколько очередей, и противник замолчал.

Над лугом все чаще и чаще поднимались каски. Гитлеровцы, почувствовав на своем берегу партизан, заволновались. Они не пытались отстреливаться, чувствовалось, что им хочется подняться и отойти. Но снайперы с пулеметчиками открывали огонь, и каски снова прятались за бугорками.

Четверка продвигалась по луговине. Партизаны часто вставали на колени и смотрели в сторону противника. Когда они зашли во фланг в тыл гитлеровцам, залегли и открыли стрельбу из автоматов и винтовок, все мы, стоявшие на крутом берегу, с нетерпением ждали развязки.

Фашисты стали подниматься и, не обращая внимания на то, что стрельба усилилась, начали отбегать по луговине влево. Наши пулеметчики перестали жалеть патроны. Снайперы тоже стреляли торопливо. Откуда-то из-за огородов, из-за наших спин по лугу ударили минометы. Фашисты опять залегли. Четверка, увидев панику среди противника, осмелела и пошла на гитлеровцев во весь рост.

Анисимов, стоявший рядом с Ковпаком, что-то шепнул ему на ухо.

— Можно, — ответил Ковпак, — только когда они, как бараны, кучей соберутся.

Анисимов исчез. Вскоре в переулке, выходящем к реке, появилась короткоствольная пушка, и около нее засуетилась прислуга.

Четверка быстро приближалась к противнику. Сзади нее появились три гитлеровца. Это были уже

пленные. Они направились к реке, и Яковенко доставил их на наш берег.

Наши пулеметчики все чаще открывали огонь. Фашисты старались выбраться из ловушки.

— Добить! — крикнул Ковпак. — Добейте их немедленно!

Через две минуты минометы выпустили несколько мин. Под усиливающимся огнем гитлеровцы начали разбегаться. У четверки вновь появилось несколько пленных. Пленные шли к реке, где поджидал их Яковенко с лодкой.

Четверка захватила восемнадцать пленных. Фашисты, выйдя из зоны пулеметной досягаемости, поднялись и бросились к лесу. Они бежали толпой, беспорядочно.

Анисимов, наблюдавший в бинокль за поведением солдат, подал команду орудиному расчету. Снаряд разорвался сзади гитлеровцев. Второй снаряд сделал перелет, и гитлеровцы сбились в кучу. Пушка выпустила несколько снарядов, которые окончательно рассеяли врагов, они разбегались по луговине и уходили в лес.

Яковенко перевез на тот берег бойцов из хозяйственной части Павловского. Те разбрелись по лугу и начали собирать трофеи: пулеметы, винтовки, пачки патронов, пулеметные ленты, одеяла, свернутые в виде шинельных скаток, и котелки. На берегу Тетерева выросла гора трофеев.

Костя подошел к Ковпаку и начал докладывать о выполнении своей задачи.

— Не надо, — сказал Ковпак, — я видел, как действовали. Скажи мне, за что ты ударил пленного?

Костя смотрел на него недоумевающе.

— Я не бил, — сказал он.

— Я сам видел, — строго сказал Дед.

— А,— вспомнил Костя,— он открыл по мне стрельбу. Это полицейский.

— Веди его ко мне,— сказал Ковпак.

Пленного подвели. Он подошел, посмотрел на Ковпака и вдруг заулыбался.

— А, Сидор Артемьевич,— сказал он развязно,— наше вам почтение. Вот где увиделись.

— Так, так,— неопределенно сказал Дед. Перед ним стоял сын его соседа по слободе Котельва, из которой Ковпак был родом.— Стрелял в него? — спросил Дед, указывая на Костю.

— Стрелял,— подтвердил полицейский.— Он же в плен забирал меня.

— Стрелял. Так,— сказал Ковпак.— Не хотел бы я с кумом ссориться, но придется пустить в расход.

Пленный побледнел, недоумевающе глядел на Ковпака.

— Как же так, Сидор Артемьевич,— сказал он,— мы ведь соседи.

— Мы были бы хорошие соседи, когда б вместе бились, а то, как рак с лебедем, в разные стороны тянем.

Пленного полицейского отвели за деревню и расстреляли.

Каждый день, прожитый вместе с ковпаковцами, был школой мужества, был полон до краев отвагой, опасностями, героизмом. Разные характеры и судьбы прошли тогда передо мной, разные операции ковпаковских партизан, отеческие заботы самого Сидора Артемьевича и других военачальников. О каждом дне этого беспримерного похода можно было бы написать повесть. И все же почти полторы тысячи километров, пройденные с боями в соединении ковпа-

ковских партизан, были только частью его великих походов.

Из-под Киева, в котором были немцы, я улетел на Большую землю. Приходилось бывать и на других участках фронта. А ковпаковское соединение шло своим путем, громя фашистских захватчиков на родной земле, растя народных героев, воспитывая мужественных борцов за нашу Родину.

Много подвигов совершили партизаны Ковпака. Совершали их и женщины-партизанки. Не одна маленькая Полина рвалась в разведку. Выполнить задание ей помешала вражеская пуля. А вот Александра Карповна Демидчик, молодая учительница из Наровли, городка на реке Припяти, совершила свой подвиг. Сегодня эта женщина в той же Наровле преподает химию в школе.

Впервые увидев во вражеском тылу эту скромную, даже застенчивую женщину, я не мог понять: почему именно ее выбрал Ковпак для опасного и ответственного дела. И тогда Вершигора сказал мне с усмешкой:

— Дед видит каждого человека... Он только посмотрел ей в глаза и спросил: «сможешь?», и она пошла. И выполнила задание.

— Так и было? — спросил я разведчицу.

— Так и было, — ответила она, ставя перед партизанами миски с борщом.

Через много лет увидел я Александру Карповну в Наровле, в кругу ее семьи, и понял, как отважно было сердце этой, тогда еще совсем молодой женщины, шедшей на верную смерть. А ведь у нее был тогда совсем маленький ребенок.

...Мы сидели за чаем и вспоминали партизанское былое Ковпака.

— Надо было мне идти к командиру вражеского

полка, — рассказывала Александра Карповна. — Все знали, что иду прямо в петлю... Но соединение было в таком положении, что надо было идти...

Уже после войны я много раз встречался с Сидором Артемьевичем в Киеве. Тогда же и записал его рассказ о тех днях. А происходило вот что.

В соединении Сидора Артемьевича работала оперативная группа ЦК партии Украины во главе с секретарем ЦК Демьяном Сергеевичем Коротченко. Главнокомандующий партизанским движением Советского Союза маршал Климент Ефремович Ворошилов потребовал, чтобы соединение вышло в район основных своих действий — на реки Припять и Днепр.

Демьян Сергеевич Коротченко, руководивший партизанским движением в тылу у немцев, поставил перед ковпаковцами задачу не только развертывать боевые действия с противником, но и усиленно вести разведку Днепра и Киева. Разведывательная операция такого огромного размаха стоила во сто крат дороже самого большого выигранного партизанами сражения. Надо было выяснить — существует ли на самом деле неприступный для Красной Армии «Днепровский вал», о котором кричали немцы. И если существует, то что это за «вал», каковы оборонительные сооружения противника на берегах Днепра. Ковпаковцы должны были «сработать» на всю Красную Армию.

И вдруг неожиданно партизанские батальоны оказались запертыми немецко-фашистскими частями в треугольнике, в междуречье Днепра и Припяти. Карательные полки теснили батальоны в «угол». К фашистским полкам прибавилась дивизия. Бои шли каждый день. Партизаны оборонялись с ожесточением. С обеих сторон было много раненых и

убитых. По всему было видно: немцы решили уничтожить соединение Ковпака.

Ковпак мог бы прорваться на северо-запад и уйти в лесные края Полесья... Но... на пути в этом направлении партизанские дороги «запирал» словацкий охранный полк. Он располагал большим количеством солдат и офицеров и мощным артиллерийским и минометным вооружением.

Вот тогда-то С. А. Ковпак и Д. С. Коротченко решили найти пути нейтрализации словацкого карательного полка. Положение было критическим — против полка стоял всего лишь один партизанский батальон, в котором было только триста человек.

Думали над тем, как установить связь с командиром вражеского полка. Окончательного решения не находили. Тогда Ковпак сказал: «Эту психологическую диверсию надо провести с умом. Попробуем уговорить командира словацкого полка сдать полк нам. Если же он не пойдет на это, постараемся уговорить его заключить с нами тайное от немцев перемирие. И если все будет благополучно, мои батальоны вырвутся из междуречья, уйдем в районы Пинских болот или наведем на Припяти переправу и тогда прорвемся в леса Правобережной Украины».

Конечно, план Ковпака граничил с безумством. Но Ковпаку давала надежду одна примечательная деталь в поведении противника — нет-нет да и перейдут на сторону партизан один-два словацких солдата. Через них, геребежчиков, удавалось выяснять благожелательные настроения словацких солдат и офицеров к советскому народу, ведущему смертельную схватку с фашизмом.

Когда решение было принято, Ковпак начал искать человека, который бы установил связь с командиром вражеского полка и повел с ним переговоры.

Сидор Артемьевич, конечно, понимал: он посылает человека на вероятный расстрел или виселицу. Когда Ковпак назначил парламентаром Александру Карповну Демидчик, она попросила полчаса на обдумывание. Через полчаса Карповна пришла.

— Обстановка, Сидор Артемьевич, Демьян Сергеевич, Семен Васильевич, сложилась такая, что надо пойти к командиру вражеского полка. Такой риск неизбежен. А раз так, можете положиться на меня полностью. Если расстреляют или повесят, то прошу передать дочке, что мама ее была настоящей патриоткой, коммунисткой и долг свой перед Родиной выполнила до конца.

Карповну одели по-модному, и она ушла...

В Наровле, почти тридцать лет спустя, я попросил Александру Карповну заново рассказать о том, как это все было.

— Мне нужно было незаметно проскользнуть в местечко Хойники, где находился штаб охранного полка,— вспоминала она.— Письмо Ковпака, написанное на лоскуте от парашюта и зашитое в поясе юбки, я должна была вручить командиру полка. У меня были добротные документы, приготовленные нашей разведкой, и адрес явочной квартиры.

Добралась я до Хойников благополучно. Переночевала на явочной квартире. Утром хозяйка квартиры показала мне дом в парке, в котором находился штаб полка. Я направилась к этому дому. На крыльце дома стояли жандармы, потом из дверей вышла группа офицеров. Они с любопытством рассматривали меня. Я подошла к ним и не смущаясь сказала:

— Мне нужно видеть господина командира полка подполковника Иозефа Гусара.

— Подполковника нет,— ответил один из офицеров и встал между мной и командиром полка.

— Как нет? А вот он стоит,— сказала я, улыбнулась офицерам и кивнула на командира полка. Он вышел из-за спины офицера.

— Что вы хотите?

— Господин подполковник, мне нужно поговорить с вами по личному делу,— сказала я.

И вот в его кабинете состоялся наш разговор:

— Что вы хотите? — спросил он меня снова.

Я ответила, что пришла как представитель Красной Армии. А он пристально посмотрел на меня и говорит:

— Насколько мне известно, Красная Армия не подошла еще к Днепру.

— Красной Армии, действующей в тылу немецких войск.

— Что вы хотите?

— Мой генерал Ковпак призывает вас, чтобы вы начали действовать, как действуют все настоящие патриоты Чехословакии, как действует полковник Людвик Свобода.

Он так взглянул на меня, что сердце мое сжалось.

— А знаете ли вы, что я через пять минут расстреляю вас?

Страх во мне вдруг куда-то пропал, и я спокойно ответила:

— Знаю.

— Если вы знаете, что я вас расстреляю, зачем же вы пришли? Вас же ждет неминуемая смерть.

— Не грозите, не надо,— ответила я.— О смерти, если хотите, поговорим в конце нашего разговора. У вас найдется время расстрелять меня или повесить. Я принесла вам письмо от генерала Ковпака.

— Письмо от генерала Ковпака? — переспросил

он.— Да... Тогда я понимаю ваше хладнокровие...
Давайте письмо.

Я быстро выдернула из пояса юбки кусочек парашюта, на котором было написано письмо Ковпака, и подала ему. Подполковник повертел тряпку в руках, удивленно ее рассматривая.

— Я могу вас все-таки расстрелять,— повторил он угрозу с прежней твердостью.

— Я пришла к вам потому, что это очень важно для советских партизан.

Гусар приказал мне читать письмо. Он понимал по-русски.

Я прочла письмо Ковпака. Гусар молча ходил по кабинету, а потом повернулся ко мне и говорит:

— Нет, я не отдам вас в руки немцев. Никогда... на парламентерские переговоры с генералом Ковпаком я не пойду. На сторону Красной Армии, действующей в тылу немецких войск, перейти с полком не могу. Я не имею никакого права поставить под угрозу уничтожения шесть тысяч семей наших офицеров и солдат.

«Ого, полк располагает шеститысячным составом»,— мелькнуло у меня в голове.

Тогда я сказала Гусару, что Людвик Свобода воюет вместе с Красной Армией. В ответ подполковник покачал головой и сказал, что Людвику Свободе было легче, чем ему. Он же с полком находится в тылу немецких войск, а за переход словаков на сторону советских партизан немцы мстят. Есть специальный приказ, по которому такие словаки-перебежчики расстреливаются, имущество их конфискуется, а дома сжигаются. Потом Гусар подошел ко мне и негромко сказал:

— Если начнется массовый переход солдат моего полка на сторону генерала Ковпака, немцы немед-

ленно уберут полк, и тогда на занимаемые нами рубежи придут эсэсовские части. Вам тогда будет совсем плохо. В этом районе происходит большая концентрация немецких войск. Они подтягивают сюда моторизованную пехоту, артиллерию и танки. Знает ли об этом генерал Ковпак?

Я утвердительно кивнула. У себя мы ломали головы, пытаюсь разобраться в обстановке. В последнее время мы натыкались на новые и новые подразделения вражеских войск. Сказанное Гусаром для нас было неоценимо.

Подполковник прошел к окну, посмотрел в парк и вернулся ко мне.

— Немцы,— заговорил он вполголоса,— разрабатывают операцию «мокрый мешок», намечено полное уничтожение войск генерала Ковпака. Передайте генералу Ковпаку, что я рекомендую ему немедленно, слышите, немедленно начать переброску своих войск на правый берег Припяти. В этом спасение его людей. Немецкие части концентрируются...— и он начал называть знакомые мне деревни, местечки.— Иначе немцы сбросят вас в Днепр и Припять и утопят.

Как нуждались в этих сведениях раскиданные по междуречью наши батальоны!

— И это все? — спросила я.

Он долго смотрел на меня, а потом посмотрел на дверь.

— Уходите,— сказал он тоном приказа.— Я вас не задержу и не выдам.— Он оглядел меня и улыбнулся.— Зачем вы так хорошо оделись? — спросил он. Я сказала, что когда человек рождается, его одевают в новую рубашку. В могилу человек должен сойти тоже в новом платье. Гусар пристально посмотрел на меня.

— Уходите,— еще раз сказал он,— уходите, вам надо жить. Такие, как вы, должны жить.

Я все-таки спросила:

— Будете переходить на нашу сторону или нет?

— Сдать полк не могу. Жалко семей моих офицеров и солдат. Передайте генералу Ковпаку, что я с ним заключаю тайное перемирие. Когда немцы погонят мой полк в бой против его подразделений, мои солдаты будут стрелять вверх. От моего имени попросите генерала Ковпака отдать приказание, чтобы его солдаты стреляли с превышением, а иногда маневрировали бы, делая вид, что я тесню вас. Уходите. Сейчас в полку много немецких офицеров.

...Почти тридцать лет спустя Александра Карповна встретила в Братиславе с подполковником Гусаром, который во время войны поступил, как настоящий патриот Чехословакии. Он рассказал ей:

— Я очень боялся за обратный ваш путь к генералу Ковпаку. Потом я понял, что все обошлось благополучно, потому что Ковпак начал строить переправу и мой полк как бы прикрывал ее. Мы затевали такую стрельбу, что немецкие офицеры быстро садились в машины и уезжали из полка. Вы, конечно, поняли нас, когда готовили переправу и когда переправлялись? Мой полк двое суток так стрелял, что мы израсходовали очень много боеприпасов. Если бы немцы только знали!..

— Я ответила этому доброму и мужественному словаку,— рассказывала теперь Александра Карповна,— что Ковпак отлично понял его и поэтому построил добротную переправу, перебросил на правый берег Припяти не только людей, но и коней и артиллерию.

— Письмо генерала Ковпака на лоскутке мате-

рии я хранил всю войну и передал в музей наших оборонных сил,— сказал Гусар.

...Это только один эпизод из жизни партизан. А сколько их было, таких дней! И таких героев, как Александра Демидчик, маленькая женщина, которая сегодня учит ребятишек...

Необычайные дела творило соединение Сидора Артемьевича в Карпатах.

Уже после того как Ковпак вышел из немецких тылов, я записал его рассказ о Карпатском рейде.

— Мы двинулись в Карпаты в дни, когда шла битва на Курской дуге,— начал свой рассказ Сидор Артемьевич.— К тому времени по тылам врага с боями мы прошли уже около двенадцати тысяч километров. Немцы почувствовали, что дело имеют с сильными партизанскими отрядами, и стали стягивать вокруг нас свои силы. Тем временем мы подошли к Скалату, с ходу атаковали вражеские части и на их плечах ворвались в город. Гарнизон был разгромлен, захваченные склады продовольствия мы отдали населению. Это был большой наш успех.

Слух о нем быстро распространился во вражеском стане. В неприятельских гарнизонах началась паника. Во время рейда из Брянских лесов на Правобережную Украину общей протяженностью в шесть тысяч четыреста километров наше соединение форсировало реки Сож, Десну, Днепр, Припять, Тетерев. Немцы, не сумев задержать нас на Днестре, стали окружать соединение отборными полками. Против нас были брошены танки и самолеты. И все же наши войска прорвались к нефтепромыслам. Второй и третий батальоны, а также часть первого вели непрерывные бои с немецкими полками. А в это время несколько рот первого батальона прорвались к нефтешламкам и взорвали их.

В тех боях мы вывели из строя несколько десятков вышек, дизелей, силовых станций, нефтехранилища, нефтеперегонные заводы. Вот тогда-то нам стало известно, что Гитлер приказал Гиммлеру во что бы то ни стало уничтожить соединение Ковпака. Гиммлер стянул в Карпаты горные полки даже из Норвегии. Наши подразделения спасала только маневренность.

Расстреляв по врагу последние снаряды и мины, мы взорвали орудия и минометы. Обоз перегрузился на вьюки. Разбившись на мелкие группы, партизаны просочились сквозь вражеские заслоны и, пройдя по многим областям, оккупированным немцами, вновь собрались в лесах Ровенской области. Соединение было снова в хорошей боевой форме. Рейд в Карпаты показал, что наше соединение может самостоятельно решать не только тактические задачи, но и стратегические. Мы образцово вышли из окружения, и в этом проявились крепкая сплоченность личного состава, огромный боевой опыт каждого партизана. В Карпатском рейде выдвинулись десятки командиров, способных во вражеском тылу самостоятельно руководить большими подразделениями и решать серьезные боевые задачи. Около четырех тысяч вражеских солдат и офицеров сложили свои головы в борьбе с нами, не считая солдат и офицеров, погибших в девятнадцати эшелонах, пущенных нами под откос. Когда мы собрались в Ровенских лесах, оказалось, что соединение увеличилось в своем составе. Артиллерию и минометы мы вновь отвоевали, да еще больших калибров и в большом количестве, а автоматического оружия у нас было больше, чем прежде. Вскоре после Карпатского рейда мы нанесли противнику удар под городом Олевском и в самом Олевске. А затем соединение было преобразовано в Первую

Украинскую партизанскую дивизию. Она дралась под Львовом, Кшешовом, Люблином, Белостоком и Варшавой. Партизанская наша дивизия вновь прошла с боями около четырех тысяч километров. Ей выпала честь раньше частей Красной Армии и других партизанских отрядов дать первые бои на вражеской земле — в Восточной Пруссии. Рейдовая тактика партизанской борьбы, подсказанная нам Верховным Главнокомандующим, целиком оправдала себя...

Ковпак рассказывал, а я, зная его и славных ковпаковцев, легко представил себе, как декабрьским метельным днем из Олевска, занятого партизанами, к линии фронта стремительно вылетели красивые санки, запряженные парой быстрых коней. В санях сидело трое. Один из них — старик в добротном тулупе, в шапке и валенках. На его коленях лежал автомат, а в кармане генеральского кителя, под тулупом в бумажнике, было спрятано смешное в наше время командировочное предписание:

•КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

(Вместо штампа на машинке было напечатано: ШТАБ ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ СУМСКОЙ ОБЛАСТИ 19 декабря 1943 года.)

Предъявитель сего командир группы партизанских отрядов Сумской области Герой Советского Союза генерал-майор КОВПАК Сидор Артемьевич командировается в город Киев по делам службы.

С ним следуют старшина МЫЧКА Федор Антонович и ПОЛИТУХА Николай Матвеевич. Имеют при себе личное оружие, вооружение — автоматы и пару лошадей в сопровождении 7 конников.

Вышеуказанное подписью и печатью удостоверяют

ПОМОЩНИК КОМАНДИРА
ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ СУМСКОЙ ОБЛАСТИ
капитан интендантской службы (ПАВЛОВСКИЙ)
(подписано простым карандашом)

НАЧ. ШТАБА ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ
СУМСКОЙ ОБЛАСТИ старший лейтенант (ВОЙЦЕХОВИЧ)
(подписано красным карандашом)

Приложена самодельная печать, в середине которой вырезана пятиконечная звезда и вокруг нее слова — «СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ».

Метель замела следы борзых коней. Когда Ковпак пересек линию фронта, так никто и не знает.

...Спустя одиннадцать лет, январским днем у Сидора Артемьевича в киевской квартире, мы, не торопясь, вспоминали былые дни.

Я готовился писать книгу о походах ковпаковцев и привез в Киев все записи, которые сделал за время пребывания у партизан. Здесь же была и запись неоконченной биографии Сидора Артемьевича, которую он писал для ЦК Украины в деревне Ляховичи. Я сказал об этом Сидору Артемьевичу. Он улыбнулся.

— Люблю хозяйственных мужиков. Молодец, что сохранил биографию. Кстати, мне надо писать биографию заново. Вот мы и перепишем ее. А ну подавай свои блокноты.

Он просмотрел мои записи и вернул обратно.

— Тут без переводчика не обойдешься, — засмеялся он. — Читай сам.

Я читал, а Сидор Артемьевич писал.

Переписав мои записи, Сидор Артемьевич сказал:

— Вот и продолжу биографию, — и, не торопясь, взялся за дело.

Потом я переписал его биографию. Подлинник ее ныне хранится в Москве, в Музее революции.

Вот что прибавилось к тем записям, сделанным в деревне Ляховичи:

♦Из числа тринадцати человек, оставшихся по решению Путивльского райкома КП(б)У, отряд вырос в крупное соединение, численностью свыше 2500 бойцов, прошедшее по тылам противника через тринадцать областей, двести семнадцать районов, форсировавшее на своем пути реки: Десну, Сож, Днепр, Припять, Тетерев, Убороть, Горынь, Днестр, Прут и Быстрицу, уничтожив на своем пути 39 гарнизонов противника.

С ноября 1944 года по март месяц 1947 года работал членом Верховного суда Украинской ССР.

10 февраля 1946 года избран депутатом Верховного Совета СССР от Глуховского избирательного округа № 482 Сумской области.

9 февраля 1947 года избран депутатом Верховного Совета Украинской ССР от Путивльского избирательного округа № 310 Сумской области.

На первой сессии Верховного Совета Украинской ССР был избран Заместителем Председателя Президиума Верховного Совета УССР. После истечения полномочий 12 марта 1950 года вторично избран депутатом Верховного Совета СССР от Глуховского избирательного округа № 497 Сумской области.

Вторично 25 февраля 1951 года избран депутатом Верховного Совета УССР от Путивльского избирательного округа № 332.

На первой сессии этого созыва опять избран Заместителем Председателя Верховного Совета Украинской ССР, где и работаю в настоящее время.

28 января 1953 года.

С. А. Ковпак♦.

Я не переставал удивляться ему. Казалось, все про него известно. Но неизменно оказывалось, что это не так. С ним я прошел путь по Белоруссии, Западной Белоруссии, Правобережной и Западной Украине, а с его партизанами побывал на землях Польши. Вроде он и относился ко мне с доверием и симпатия у нас была обоюдной, а вот только теперь, когда прошедшее стало былью, обнаружилось, что есть немало деталей похода, о которых мало кто знал...

...Перед началом рейда в лесу под Путивлем Ковпак, Руднев и Базима осенью сорок первого года приняли решение закопать документы соединения.

Долго думали, где и как спрятать бумаги, а самое главное — кому поручить это дело. Если поручить одному партизану, то в случае его гибели документы могут быть безвозвратно потеряны. Привлечь многих тоже не годилось. Ну и решили вшестером осуществить это дело. Собрались Ковпак, Руднев, Базима, партизаны Панин, Пятышкин и комсомолец Радик Руднев — сын комиссара. И «сховали» документы под орешником в кувшине и больших стеклянных банках из-под варенья...

После войны экспедиция школьников — семь пионеров и шестнадцать комсомольцев из семи южных областей Украины под командой бывшего партизана Александра Калинина — выехала из Киева в Путивль.

В Путивле ребят встретили радушно. Школьники увидели живых ковпаковцев: познакомились с Григорием Яковлевичем Базимой, со старейшим партизаном Алексеем Ильичем Кореневым, прозванным за свою серебристую бороду «Дедом-Морозом», командиром роты Павлом Пятышкиным.

Базима рассказал школьникам:

— Закопали мы ценные бумаги десятого ноября сорок первого года после боя с карательной экспедицией фашистов. Мы удачно разгромили тогда вражеские танки. Помню, пошли от штаба в лес. Сосновый бор кончался, начинался смешанный лес. Мы увидели огромный дуб. Остановились около него, подумали и решили пройти на север сто шагов. Я тогда отсчитал шаги и увидел две группы берез по три дерева. Выбрали это место и начали копать.

Юные путешественники слушали, затаив дыхание, а Базима продолжал:

— Яму выкопали под ореховым кустом. Потом засыпали это место и завалили его сухими листьями. В тот день после обеда отряд начал готовиться к выходу в рейд.

Григорий Яковлевич показал ребятам на карте, где это происходило.

...До Спадцанского леса из Путивля школьники шли пешком. Как и в соединении партизан Ковпака, маршрут похода прокладывал Базима.

Уже в лесу Григорий Яковлевич рассказал, что он в тот ноябрьский день, возвращаясь от орешника к дубу, по пути срубал лопатой кору на деревьях. Школьники бросились искать эти деревья. И вот найдена первая, уже зарубцевавшаяся засечка, затем вторая и третья.

Теперь предстояло разыскать две группы деревьев по три березы. После войны не раз искали эти деревья Ковпак, Базима и другие партизаны. Но лес настолько разросся, что трудно было определить нужные деревья.

...Базима всматривался долго. Школьники молчали нетерпеливо и торжественно. Они были преисполнены ожидания.

— Надо искать большой ореховый куст,— сказал наконец Григорий Яковлевич.

Ребята разбрелись по кустам, долго обшаривали землю, но безуспешно.

И вот харьковский школьник Вилен Капилевич все-таки обнаружил в земле углубление под орешником. В этом месте земля точно просела. Попробовал лопатой раз, другой...

— Есть! — с азартом закричал Вилен Капилевич, — нашел! — торжествовал он, не в силах сдержать радость.

Все побросали лопаты и побежали к ореховому кусту, откуда слышался голос Вилена. Осторожно, словно саперы, ребята стали руками разгребать землю. Вот уже полностью освобождены пузатые стеклянные банки и глиняный кувшин, покрытый полуистлевшей кожей. Покрышка была настолько ветха, что корни травы пробили ее и спускались внутрь кувшина. Сгнившую кожу сняли и извлекли серые свертки бумаг.

— Это приказы Ковпака,— сказал Базима.

Всем не терпелось вскрыть и банки.

Первым, что вынули из банки, был комсомольский билет погибшего в Карпатах Радика Руднева. Затем достали партийный билет комиссара Семена Васильевича Руднева, члена партии с 1917 года, партийный билет Сидора Артемьевича Ковпака, члена партии с 1919 года. Ниже лежали паспорта Ковпака и Базимы.

Клад, откопанный в Спадщанском лесу близ Путивля, экспедиция отправила в Киев.

Теперь эти документы хранятся в Киевском историческом музее.

...Огромное зеленое пятно, точно оазис в желтом пшеничном море Полтавщины, открылось еще изда-

лека. И чем ближе подъезжали мы с председателем Котелевского райисполкома Иваном Петровичем Федоренко, тем четче выделялись высокие тополя, белые домики под ними. Это Котельва — старинная казацкая слобода.

На самом краю улицы у одного из домиков остановились. Обыкновенный дом, побеленный, в два окна. На фасаде прибита дощечка:

«В этом домике родился дважды Герой Советского Союза генерал-майор С. А. Ковпак».

Сразу возле калитки — сарай-развалюха.

— В нем, — рассказывал Федоренко, — Сидор Артемьевич еще во время гражданской войны собирал партизан. С ними он здесь разрабатывал планы борьбы с кулачеством и другими врагами революции. А тут, — показал Федоренко на домик, — Ковпак начал свою жизнь. Отсюда он ходил в школу, которая на площади, за парком, а когда подрос, нанялся к кулаку в батраки. Из этого домика Сидор наш ушел в солдаты. Здесь он жил в первые годы Советской власти, когда работал в Котельве военкомом. Комиссариат в то время помещался в здании нынешнего клуба на площади. Так что выходит, этот домик для Котельвы, в общем-то, и для всей Украины исторический.

Мы молча посидели на бревнах, сложенных во дворе как будто для хозяина. Но, увы, никогда, больше Сидор Артемьевич не откроет дверь этой хаты. С. А. Ковпак умер в декабре 1967 года...

Потом в клубе состоялся большой вечер воспоминаний, посвященный Ковпаку. Я сидел среди его заметно постаревших земляков, слушал их, и будто был я не в празднично нарядном клубе, а в тревожных лесах военной Украины. И легендарный рейд, и отчаянно смелые подвиги лихих бойцов необычно-

венного войска вновь предстали передо мной. Сижу и слышу голос Ковпака, его слова о подлинно народной войне, о стратегии и тактике партизанских батальонов, соединений... Вижу его, озабоченного, одиноко бредущего с неизменной суковатой палкой по селу, в котором разместились на отдых партизаны. Вспомнился мне и командный пункт во время боя у станции Тетерев, где партизанский полководец, отстранив карту, во весь рост встал на самом берегу реки, внимательно посмотрел на вражескую сторону, потом махнул своей палкой, и в разных концах загрохотали пулеметы...

Летняя ночь. Выхожу из клуба. Тихая Котельва вырисовывается на фоне желтеющей степи. В центре ее, на площади, на высоком постаменте бюст Сидора Артемьевича Ковпака. Приподняв бронзовую голову, строго смотрит он на пшеничные поля. Форменная фуражка лихо заломлена на голове, из-под борта генеральской шинели видны две Золотые Звезды Героя Советского Союза. А у самого основания постаamenta сверкают привинченные к шлифованным камням уступов бронзовые плиты с надписями основных этапов рейдов генерала Ковпака. Их десять: Путивль, Брянские леса, Десна (Короп), Днепр (Лоев), Лельчицы, Сарны, ст. Тетерев, Припять, Скалат, Карпаты.

Я стоял у постаamenta и невольно вспоминал сделанную еще задолго до войны запись в найденном пионерами-следопытами в Спадщанском лесу паспорте С. А. Ковпака:

«Невоеннообязан. Снят с воинского учета».

Содержание

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ	4
И СНОВА В РЕЙД...	41
КОДРИНСКИЙ БОЙ	80

Коробов Л. А.

К68 ФРОНТ БЕЗ ФЛАНГОВ. [Изд. 2-е, испр.].
М., Политиздат, 1972.

128 с. с илл. (Герои Советской Родины).

1—6—4

72

9(С)277

Снимки на обложке и вкладке сделаны
автором книги в глубоком тылу врага.

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *К. И. Аксанов*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 6 декабря 1971 г. Подписано в печать
8 февраля 1972 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Условн. печ. л. 5,95. Учетно-изд. л. 5,47. Тираж
200 тыс. экз. А00029. Заказ № 1000. Цена 20 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Это биографический очерк о народном герое, командире одного из крупнейших партизанских соединений на Украине в годы Великой Отечественной войны, дважды Герое Советского Союза Сидоре Артемьевиче Ковпаке. Автор очерка — бывший военный корреспондент «Правды», писатель Леонид Коробов — неоднократно бывал в глубоких тылах врага в ковпаковском соединении, участвовал в его боевых рейдах.

Книга исторически правдива. Личные впечатления, наблюдения во время боевых рейдов и дневники тех лет дали возможность автору показать не только самого партизанского полководца, но и сражавшихся рядом с ним командиров и бойцов.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

